Смерть со школьной скамьи

Автор:
Геннадий Сорокин

Смерть со школьной скамьи

Геннадий Геннадьевич Сорокин

Детектив-ностальгия

1983 год. Областной центр в Сибири. Начинающему оперу Андрею Лаптеву поручено расследовать убийство бывшей одноклассницы. На месте преступления сыщик находит шокирующую фотографию в стиле ню, на которой погибшая запечатлена в обнимку с… начальником Лаптева, большим милицейским чином. Оперу грозят крупные неприятности. В этот момент в поле зрения оперативника попадает обаятельная подпольная миллионерша, которая в свое время имела прямое отношение к организации досуга местной элиты…

Геннадий Сорокин

Смерть со школьной скамьи

© Сорокин Г. Г., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Расстрел

Примерно в половине пятого утра дверь в камеру бесшумно открылась.
На пороге стояли двое конвоиров с дубинками в руках.

«Началось! – подумал я. – Если они пришли под утро, то моя песенка спета. Ну и черт с ним! Конец так конец! Еще неизвестно, что лучше: мгновенная смерть или ежедневное ожидание смерти».

Тусклая лампочка под потолком мигнула и загорелась ярким светом. Оба! А я и не знал, что освещение в камере можно регулировать. Целый год я прожил впотьмах, а теперь светло стало, как в зале судебного заседания, где мне зачитывали смертный приговор.

– Ваше фамилия, имя, отчество? – сверяясь в карточке, спросил старший конвоир.

– Вы это у меня спрашиваете?

– Будешь умничать, применим силу, – пригрозил второй конвоир, поигрывая дубинкой.

– Бить будете? Палками, как фашисты? – Поговорить, поговорить напоследок, это же счастье! Надо успеть выговориться, пока рот не заткнули. – Кстати, почему вас только двое? Я совершенно точно знаю, что в камеру к смертнику положено заходить не менее чем вчетвером. Где еще двое? По дороге потерялись?

Вместо недостающих конвоиров в дверном проеме появился силуэт офицера в фуражке с высокой тульей. Ни лица его, ни звания я рассмотреть не мог – глаза еще не привыкли к перепаду освещения.

– Андрей Николаевич, – миролюбиво предложил офицер, – давайте не будем омрачать последние минуты нашего знакомства. Вы прекрасно знаете установленный порядок. Мы задаем вопросы – вы отвечаете.

– Какое знакомство? – возмутился я. – Я вас в первый раз вижу! Вы кто такой, главный клоун в местном балагане?

– Я – дежурный по следственному изолятору.

– Какая честь, черт побери! А почему повязки на рукаве нет? Вы, батенька, часом, не самозванец?

Один из конвоиров поудобнее перехватил рукоятку дубинки и двинулся ко мне.

– Стоп, стоп, стоп! Обойдемся без рукоприкладства. Мне куда руки, за спину или перед собой?

– За спину, конечно. – Дежурный по СИЗО был на удивление миролюбив. – Встаньте, пожалуйста, лицом к стене. Вот так, хорошо! – На моих запястьях с хрустом защелкнулись наручники. – Теперь повернитесь и назовите себя.

– Лаптев Андрей Николаевич, 1960 года рождения, до ареста работал инспектором уголовного розыска Заводского РОВД. Приговорен областным судом к высшей мере наказания за совершение преступления, предусмотренного пунктами «г» и «е» статьи 102 УК РСФСР. Кстати, я не убивал эту бабу: ни с особой жестокостью, ни с целью облегчить совершение другого преступления.

– Андрей Николаевич, мы сейчас проводим вас к прокурору, вот ему все и расскажите.

– Ага, расскажу! На жизнь пожалуюсь. Он послушает, послушает и выпустит меня. Так, что ли?

– Не знаю, я не прокурор.

Пока мы разговаривали, мое зрение восстановилось и я смог рассмотреть звездочки на погонах дежурного. Капитан. На вид лет тридцать. Малиновые петлицы с общевойсковыми эмблемами. На груди пара значков за безупречную службу.

– У меня есть последняя просьба, – серьезно сказал я.

Офицер и конвоиры разочарованно переглянулись. По их лицам читалось: «И этот – как все! Сейчас сигарету клянчить начнет».

– У меня крыса в углу пол прогрызла. Отдайте ей мой завтрак.

– Поздно, Андрей Николаевич! – Офицер жестом велел конвоирам разойтись в стороны. – Вас уже исключили из списков на довольствие.

– Логично. Экономика должна быть экономной.

– Все готовы? – строго спросил дежурный. – Начали! Осужденный, вперед!

Я, гордо подняв голову, вышел из камеры.

О том, что ждет меня дальше, я знал еще со времен учебы в Омской высшей школе милиции. Естественно, в программе обучения не было семинарского занятия по теме «Приведение в исполнение высшей меры наказания». Но многие преподаватели, отвечая на вопросы любопытных слушателей, частенько выходили за рамки учебной программы и делились с нами секретными или не подлежащими разглашению сведениями.

О расстреле, теме интригующей и закрытой, нам рассказал на третьем курсе преподаватель криминалистики майор Азаренко.

Как сейчас помню, в тот день стояла лютая стужа. За окном трещал сибирский мороз. Из плохо законопаченных окон в классе сквозило. Шел второй час семинарского занятия. Тема урока была пройдена, оценки выставлены. Пока преподаватель что-то заполнял в журнале, в классе разгорелся спор о том, как приводят в исполнение смертный приговор – у всех курсантов были свои версии процедуры расстрела. Азаренко, которому надоел шум в классе, призвал нас к порядку и, чтобы как-то заполнить оставшееся время, сам рассказал о расстреле.

– За осужденным к расстрелу приходят рано утром, когда человек находится в сонном состоянии. Конвоиров должно быть не менее четырех человек, все с

дубинками. (Да, да, с настоящими дубинками, как у американских полицейских!) Если смертник начинает дергаться или буйствовать, то его без лишних рассуждений бьют по голове и, пока он пребывает в прострации, вытаскивают в коридор…

На наши вопросы, кто приводит приговор в исполнение и в каких именно тюрьмах страны расстреливают, Азаренко отвечать отказался. Мол, придет время, и сами узнаете.

После обеда, во время самоподготовки, прерванный спор разгорелся с новой силой. Обсуждались два вопроса: кто и где? О месте расстрела быстро пришли к единому мнению – никаких специальных «расстрельных» тюрем не существует. Приговор приводят в исполнение в следственных изоляторах областных или краевых центров. А вот кто стреляет осужденных: штатный «палач» или дежурный офицер?

– Нет никакого палача, – высказал я свое мнение. – Представьте, что среди сотрудников СИЗО есть некий офицер или прапорщик, в обязанности которого входит расстреливать осужденных. Много он их в месяц кончает? Одного-двух, не больше. А чем он все остальное время занимается? Пистолет чистит? Справки о проделанной работе пишет? Ерунда все это! Стреляет кто-то из тюремщиков. За премию. Или по графику.

– А сколько премии дают? – заинтересовались курсанты. – Там подработать никак нельзя?

Шутка о подработке получилась не смешной. Среди нас были курсанты, которым родители не помогали материально, а на стипендию в сорок рублей восемьдесят копеек, даже живя на полном государственном обеспечении, особенно не пошикуешь. Поправить финансовое положение можно было только одним способом – втайне от начальства подрабатывать на стороне: мыть полы, разгружать вагоны. Тяжелый труд за мизерную зарплату. А тут… раз в месяц нажал на курок – и денег полный карман! Веселись, мужичина, и пусть совесть тебя не мучает: не ты, так другой!

– Я бы хоть сейчас за десятку шмальнул, – вполне серьезно сказал мой одногруппник Вова Безбородов. Накануне он крупно проигрался в карты и теперь не знал, как рассчитаться с долгами.

– Да ну, – усомнились остальные, – дешево что-то за десятку. За полтинник или за сотку можно поработать, а за десятку – ни то ни се!

Всю остальную самоподготовку спорили о сумме вознаграждения. Сошлись на четвертном: ни много ни мало – в самый раз за одного приговоренного.

…На выходе из камеры нас поджидали еще два конвоира. Бестолково потолкавшись в узком коридоре, мы выстроились «коробочкой»: два человека спереди, два сзади, я посередине. Зачем такие меры предосторожности, я так и не понял – идти предстояло всего лишь в соседнюю камеру, то есть метров пять по коридору. При всем желании никуда не сбежишь.

В помещении для приведения приговора в исполнение все было так, как рассказывал Азаренко: на бетонном полу опилки, окон нет, стены оштукатурены звукопоглощающим раствором «под шубу».

В левом углу камеры меня поджидали прокурор в штатском костюме, начальник СИЗО и тюремный врач в белом халате со стетоскопом на шее. Еще одного человека, того, кто выстрелит мне из пистолета в затылок, в помещении не было.

«Где же палач? – подумал я. – Не станет же начальник тюрьмы в меня стрелять. У него и оружия-то при себе нет. А может, приговор исполняет дежурный офицер?»

Конвоиры вывели меня на середину комнаты, заломив руки вверх, поставили на колени.

– Гражданин Лаптев, – сказал за моей спиной прокурор, – ваше прошение о помиловании было отклонено. Сейчас приговор областного суда будет приведен в исполнение.

«Как бы посмотреть, кто будет стрелять?» – подумал я. Клянусь, в этот момент меня больше ничего не интересовало. И страха смерти не было. Чего бояться-то? – раз! – и пуля разнесет затылок вдребезги – ни боли, ни мучений. Гуманизм. Обидно только, что убьют меня совершенно ни за что, за преступление, которого я не совершал.

– Василий Сергеевич, – судя по голосу, к начальнику тюрьмы обратился дежурный по следственному изолятору, – у нас небольшая заминочка вышла. Гладких заболел.

– Как заболел? – зашептались за моей спиной. – А кто сегодня работать будет?

– Пистолет у меня есть, – сказал офицер, – могу одолжить.

– Кому, мне, что ли? – зарычал начальник тюрьмы. – Ищите исполнителя!

– Товарищи, – голос прокурора показался мне знакомым, – товарищи, мы не можем откладывать исполнение приговора. Товарищи, нас накажут за нарушение графика!

– Бери да сам стреляй! – предложил начальник тюрьмы. – На мне китель новый, его потом ни в одной химчистке от крови не отстираешь.

– Михаил Петрович! – я вспомнил, как зовут прокурора. – Не бери пистолет. У тебя кишка тонка в живого человека стрелять. Я ведь потом тебе по ночам сниться буду, с ума сойдешь, сопьешься в расцвете лет.

– Лаптев, заткнись, сволочь! – закричал начальник тюрьмы.

– Сам заткнись! – огрызнулся я. – Ничего организовать не можешь!

Начавшуюся словесную перепалку прервал еще один знакомый голос:

– Не спорьте, я его кончу!

– Нет! – завопил я и попытался встать на ноги. – Нет, только не Николаенко! Только не он! Я на вас, сволочи, жаловаться буду! Я Андропову письмо…

Но Николаенко не дал мне договорить. Ловким движением он набросил мне на шею удавку и стал затягивать петлю. Из последних сил я попытался зубами подцепить веревку, стал задыхаться, захрипел, судорожно вздохнул… и проснулся.

Глава 2

Хлебокомбинат

В комнате было холодно. Отопление отключили еще неделю назад, когда на улице установилась не по-весеннему теплая погода. Но, как это часто бывает в Сибири в конце апреля, погожие солнечные деньки сменились дождями со снегом, и в жилых домах стало так же «уютно», как у полярника Папанина на дрейфующей льдине.

Не вставая с кровати, я нашарил на прикроватной табуретке сигареты, закурил. Будильник на подоконнике показывал шесть утра. Подумать только, еще час, целый час самого ценного на свете утреннего времени я мог бы безмятежно спать, но из-за проклятых кошмаров уже в который раз просыпаюсь в мокрой от пота постели и, лупая глазами в потолок, пытаюсь понять, что бы эти сны значили? И при чем здесь Николаенко, с которым я лично ни разу в жизни не общался? Должна же быть какая-то связь между событиями в окружающем мире и снами. Вот как-то в детстве я ошпарил кипятком руку, больно было, словами не описать как, и по ночам эта боль продолжала преследовать меня – снилось, что огромная лохматая собака рвет клыками мясо с обожженного места. Тут все понятно и логично: было больно наяву – стало больно во сне. А сегодня с чего бы это расстрел приснился, с того, что в комнате холодно?

За окном, шурша электрическим мотором, открылись центральные ворота. Со скрежетом переключив скорость, с территории комбината выехала хлебовозка, повезла по магазинам утреннюю выпечку хлеба. Пора вставать, все равно уже больше не усну.

Первый сон, связанный с Николаенко, был в начале марта. События в нем начинались с моего ареста в лесу у растерзанного женского трупа. Во втором и третьем снах меня допрашивали прокуроры и следователи. Я, как мог, доказывал им свою невиновность, но в самом конце появлялся Николаенко и торжественно предъявлял неопровержимые доказательства моей причастности к убийству. «Сколько ты уже сидишь в тюрьме? – спрашивал Николаенко. – Месяц? Посмотрите все на его руки, с них до сих пор кровь капает!»

Кошмары, черт бы их побрал! От них не спрятаться, не скрыться. Что будет в следующем сне? Судя по хронологии, мне предстоит путешествие в ад, где Сатана-Николаенко живьем сдерет с меня кожу.

Затушив сигарету, я надел домашнее трико, отыскал в тумбочке полотенце и пошел в умывальник.

Наше заводское общежитие было построено в конце шестидесятых годов. Первый этаж в нем занимали управление хлебокомбината и проходная на территорию завода. Два верхних этажа были жилыми, на каждом по 24 комнаты, разделенные сквозным коридором. В противоположной от основного лестничного марша стороне коридора располагались бытовые помещения и туалеты, совмещенные с умывальниками. На моем, третьем, этаже был мужской туалет, на втором – женский. С левой стороны общежития, окнами на завод, в отдельных комнатах жили семейные работники хлебокомбината, матери-одиночки и всякого рода «пришлые» и «блатные», получившие жилье по разнарядке райсполкома и к заводу отношения не имевшие. По местной квалификации я, сотрудник милиции, был «пришлым», а Горелова Зинаида, незамужняя сорокапятилетняя кладовщица с промтоварной базы, – «блатной». Правая сторона общежития была предоставлена холостякам и незамужним женщинам, ютившимся по 4–5–6 человек в комнате. Примерно треть из них была «пришлыми». «Блатных», естественно, не было.

В коридоре, по пути в туалет, мне встретился вечно мрачный грузчик Бобров, возвращающийся на свой этаж.

– Всем хороша советская власть – жаль, живет долго! – злобно выругался он вместо приветствия.

– Случилось, что ли, чего? – насторожившись, спросил я.

– Сейчас в туалет зайдешь – сам все увидишь! – Грузчик развернулся в сторону бытовых помещений и погрозил кому-то неведомому кулаком: – Дождетесь, твари, устроим вам бучу, как в Польше!

Стараясь соблюдать меры разумной предосторожности (мало ли чего могло за ночь случиться), я заглянул в умывальник. Никого. Привычный порядок не нарушен, если не считать выбитого стекла на внутренней раме. Окно

расколошматили еще в прошлые выходные, когда подвыпившая молодежь выясняла отношения из-за Маринки с двадцатой комнаты. Дерущихся, как водится, быстро разняли, а раму застеклить не могут до сих пор. Некому. Заводской плотник в отпуске.

Осмотрев туалет и ничего подозрительного не обнаружив, я открыл краны в умывальнике. Вот оно что! Вот где причина праведного гнева грузчика Боброва – горячая вода в кране отсутствовала. Это надо ж так издеваться над людьми: на улице холодище, отопление отключили, да еще и горячей воды нет! Из нас что, моржей хотят сделать? Прав, прав потомственный пролетарий Бобров – достал уже бардак, пора в стране что-то менять. Для начала можно арестовать и посадить на десять лет ответственного за коммунальное хозяйство в нашем районе. Горячая вода от этого не появится, зато моральное удовлетворение будет.

Если бы у меня не было лишнего часа, «подаренного» ночным кошмаром, я бы поплескался холодной водичкой и пошел на работу. Но времени было хоть отбавляй, и я решил принять душ, привести себя в порядок, смыть противный ночной пот.

Круглосуточно действующая душевая находилась на заводе. В общежитии душа не было.

Накинув на голое тело куртку, я спустился на проходную.

– Далеко собрался в такую рань? – сонно спросила дежурная вахтерша.

– Помыться хочу. В общаге горячую воду отключили.

– Все-то ведь не слава богу! – Вахтерша втянула в свою загородку палку, заменявшую дверной засов. – Проходи! Сегодня ты первый будешь.

Улица встретила меня порывом пропитанного влагой ветра. Накинув капюшон, я побежал через площадь в главный корпус, где находились душевые.

Освежившись под душем, я почувствовал, что проголодался. Дома у меня шаром покати – ни крошки хлеба нет. Городские столовые начнут работать не раньше

одиннадцати часов. Но есть-то охота! Придется пойти по проторенной дорожке – позавтракать на заводе. Благо там всегда есть чем подкрепиться.

В просторном хлебопекарном цеху царствовал ни с чем не сравнимый запах только что выпеченного хлеба. Сказка, а не запах! В нем сплав природы и человеческого труда, разгадка появления первых цивилизаций. Я совершенно уверен, что история современного человечества началась с постройки первой хлебопекарной печи, а не с наскальных рисунков или изобретения колеса. Рисовать по большому счету каждый умеет, а вот первым в мире замесить тесто и выпечь из него хлеб – до этого додумался кто-то один, самый умный на тот момент человек на земле. Колесо, паровую машину, электричество и атомную бомбу изобретут позже. В начале цивилизации была хлебопекарная печь.

В цеховой подсобке на перекур собралась почти вся ночная смена.

– Садись, Андрей Николаевич! – Мне уступили место за столом, пододвинули свежий хлеб, масло, вареные яйца, налили крепкого чаю. – Ты что-то сегодня не в духе. Спал плохо?

– Кошмары всю ночь снились, – неохотно ответил я.

– Вчера не бухал? – спросил кривой на один глаз грузчик Николай. – Я как нажрусь, так меня среди ночи обязательно кто-то душит.

– Это тебя жена душит, – подколол его Серега Осипов, – чтоб ты к бабам поменьше клеился. Сегодня, прикиньте, мужики, иду по цеху, а Коля уже возле Нинки трется, как кот на сметану мурлычет. И она-то лыбится ему, даром что ухажер одноглазый.

– Да Нинке что кривой, что хромой, всякий сойдет. Своего мужика нет, а баба она еще молодая, – позевывая, сказал бригадир хлебопеков Воронов. – Вот если бы он белобрысую практикантку соблазнил, тогда да, тогда дело!

– Вышла бы она в ночную смену, я бы ее уболтал, – мечтательно причмокнул грузчик.

– Пошли работать, Ален Делон хренов! – Воронов выплеснул остатки чая, сполоснул кружку в раковине и вышел в цех. За ним потянулись остальные работники. Остались только Осипов и Антипов.

Антипову было лет под пятьдесят, из которых примерно треть он провел в местах не столь отдаленных. Судя по вытатуированным на пальцах «перстням», сидел он за кражи, хотя всем говорил, что за убийство. Я личной жизнью и биографией Антипова не интересовался. Между мной и заводчанами был заключен молчаливый договор: я не лезу в их дела, они не касаются моих.

– Андрей Николаевич, – Антипов сел напротив меня, – скажи мне как человек грамотный, могут мне алименты присудить за один раз?

– За какой один раз? За то, что ты с кем-то переспал, с тебя ничего не взыщут. Алименты на ребенка платят, а не за половой акт.

– Какой ты, Антип, косноязычный! – вмешался в разговор Осипов. – Ничего толком объяснить не можешь. Короче, Андрей, тут одна бабенка, не наша, не заводская, забеременела и хочет в суд на Антипа подать, чтобы он ей алименты платил. Я ему говорю: будешь платить, если она по суду докажет, что у тебя с ребенком группа крови одинаковая. А он уперся, мол, нет, если я на ней жениться не обещал и отцовства не признаю, то ничего платить не буду. Объясни ему, барану упертому, что закон будет на ее стороне.

– Да ничего я платить не буду! – начал горячиться Антипов.

– Рассказываю, – вполголоса сказал я. Спорщики тут же замолчали. – Алименты на содержание ребенка присуждают только в том случае, если мужчина обещал женщине создать с ней семью или вести с ней совместное хозяйство и заботиться о будущем ребенке. Классический пример: если ты выносишь из квартиры женщины мусорное ведро, то ты своим действием демонстрируешь намерение вести совместное хозяйство. А если ты пришел к ней с бутылкой водки, то с тебя и спроса никакого нет.

– Вот видишь! – обрадовался Антипов. – Я тебе говорил, что если я с ней один раз шаркнулся, то это еще ничего не значит. И потом, кто сказал, что между нами что-то было? Андрей Николаевич верно говорит: я мог прийти к ней пьяный, рюмку-две выпить и уснуть. Кто обратное докажет? Там со свечкой никто не

стоял, свидетелей нет.

– Докажут, докажут! – подначил Осипов. – Будешь под старость лет с голым задом ходить, все из тебя на пеленки вытрясут!

– Да пошел ты! – Антипов отшвырнул потухшую папироску в урну и вышел, хлопнув дверью.

– Вот так-то, Андрей Николаевич, не надо блудить где попало, спать спокойней будешь. – Осипов от окна переместился на лавочку напротив меня. – Андрей, давно хочу тебя спросить, да все люди мешаются. Скажи мне по секрету, приговоренных к смерти расстреливают или на урановые рудники ссылают?

Если бы у меня во рту был кусок хлеба, я бы подавился. Что-что, а вопросов о расстреле я не ожидал. Не раньше и не позже, словно он знал о моем сне.

– К чему ты это у меня спрашиваешь? – с легким раздражением спросил я.

– А у кого спрашивать, у Антипа, что ли? – стал оправдываться Осипов. – Он такого набрешет, только успевай лапшу с ушей стряхивать. Он что, думаешь, в зоне со смертниками встречался?

– Серега, ты не забыл, что я в уголовном розыске работаю, а не тюремщиком? Мое дело – воров ловить.

– Андрей Николаевич, чего ты темнишь, система-то у вас одна. – Осипов перешел на заговорщицкий тон. – Вы же все равно между собой трете-мнете, что да как. Я, пойми, не с подвохом каким-то спрашиваю, а мне так, чисто по-человечески любопытно, расстреливают сейчас или нет?

– Про расстрел я ничего не знаю, а про рудники скажу свое мнение. Я тоже слышал, что, мол, есть урановые рудники, куда ссылают приговоренных к смерти и где они за месяц-два заживо гниют от облучения. Но, мне кажется, это чушь. Представь сам, что такое рудник. Рудник – это режимное производство, то есть вышки, охрана, вагонетки, план. Представил? А теперь скажи, какой план могут выполнить зэки, если они постоянно умирают? Что это за зона такая, если в ней сегодня сто работников, а завтра ни одного не осталось? Как план по

добыче урана выполнять?

– Да, про план-то я не подумал. Производства без плана не бывает. Скорее всего, ты прав: нет никаких урановых рудников.

Я допил чай, сунул в карманы по вареному яйцу и пошел собираться на работу.

Глава 3

Райотдел

Театр начинается с вешалки, районный отдел милиции – с дежурной части.

В дежурке было суетно. При подготовке к пересдаче смены выяснилось, что в камере административно задержанных один человек лишний: ни протокола на него нет, ни рапорта. Кто такой, за что сидит – никому не известно.

– Дима, – нервничал сдающий смену дежурный, – Дима!

– Чего тебе, Иваныч? – отзывался из закутка с клетками помощник.

– Дима, спроси у этого балбеса, кто его сюда привез? Кто, кто привез? Милиционеры?! Вот дебил, прости господи! Дима, ты спроси у него, он вчера не дебоширил, с женой не дрался?

– Привет! – нагнулся я к переговорному окошечку в стеклянной перегородке. – Для меня ничего нет?

– Лаптев, вали отсюда! Не мешай работать!

Отличный ответ! Он означает, что прошлой ночью на обслуживаемом мной участке происшествий не было. Вот если бы, не дай бог, там что-то приключилось, то дежурный, едва завидев меня, уже стучал бы по стеклу: «Лаптев, стой, стой! Ты где шляешься? Тебя почему вахтерши к телефону не

зовут?»

Утреннее отсутствие интереса к инспектору уголовного розыска со стороны дежурной части – неплохое начало дня!

– Привет всем! – сказал я, входя в свой кабинет. – Новость слышали? В дежурке лишнего человека обнаружили.

– Лишнего человека? – напрягся инспектор Матвеев.

– Ну да. Сидит в клетке какой-то хмырь, никто не поймет, откуда он взялся.

– Мать его! – застонал Матвеев. – Это же я вчера вечером Селивановского на два часа закрыл! Е-мое, вот теперь визгу будет! Я, блин, совсем про него забыл…

– Все к начальнику! – раздался по коридору голос Игошина, заместителя нашего шефа.

В кабинете начальника уголовного розыска Александра Петровича Зыбина оперативники рассаживались строго на определенные места: поближе к начальнику – его заместитель и старшие инспектора, у дверей – лейтенантская молодежь. Занимать место отсутствующего сотрудника категорически запрещалось.

Дождавшись, пока личный состав рассядется вдоль стен, Зыбин придирчиво осмотрел нас, велел закрыть входную дверь.

– Где Матвеев? – спросил он, обнаружив пустой стул. – Я вроде бы его утром видел?

– Александр Петрович, – забубнил заместитель, – его в дежурку срочно вызвали. Через минуту он будет.

– С каких это пор дежурная часть стала командовать уголовным розыском? Что там такого случилось, что он решил игнорировать развод? Как появится, с объяснением ко мне. Нынче праздников много, я найду, чем ему заняться на девятое мая. – Напоминаю вам о мероприятиях на сегодня, – продолжил Зыбин. –

В десять часов торжественное собрание. От нас пойдут Шахбанов, Елькин и еще два человека. В двенадцать часов в актовом зале инструктивное совещание о действиях сотрудников милиции во время проведения первомайской демонстрации. Далее все работают по своему плану.

– Александр Петрович, внизу приказ начальника РОВД висит, что сегодня сокращенный рабочий день, – осторожно напомнил Игошин.

– Вас это не касается. В уголовном розыске не бывает сокращенных рабочих дней.

На столе у Зыбина зазвонил телефон. Морщась, он выслушал собеседника, буркнул: «Хорошо!» – и положил трубку.

– Первого мая от нас один человек идет на усиление в областное УВД. Кто пойдет?

Все, не сговариваясь, обернулись на меня.

– Пойдет Лаптев, – согласился начальник.

– Я в этот понедельник дежурил, – невольно вырвалось у меня.

– И что из этого? Ты что, переработался, что ли?

– Я не так сказал, Александр Петрович. Я про другое. Мне на сутки заступать или только на время демонстрации?

– Конечно, на сутки, как еще.

Все мои планы на выходные полетели к чертовой матери. Первое мая накрылось. Второго, после дежурства, я буду как выжатый лимон, а третьего уже на работу. Хорошенькое начало месяца, ничего не скажешь!

Дождавшись, пока начальник останется один, я решил отыграть хотя бы субботу.

– Александр Петрович, если мне первого числа дежурить, так, может, я завтра отдохну? – вкрадчиво спросил я.

– В честь чего? Тебе что, заняться нечем? Ты что, все преступления на участке раскрыл? Когда у тебя будет стопроцентная раскрываемость, тогда будешь по субботам отдыхать.

– Я все понял, Александр Петрович. Тогда можно я хотя бы на торжественное собрание не пойду?

– А кто пойдет? Скажи, я кого вместо тебя отправлю? Инспекторов, которые по десять лет отработали? Ты, Андрей, пока молодой, привыкай как белка в колесе крутиться. Ты везде должен успевать: и на торжественное сходить, и отдежурить, и преступления раскрывать. Вот я, когда лейтенантом был…

Прервав монолог начальника о его героической юности, в кабинет, как вихрь в осенний сад, ворвался Матвеев.

– Александр Петрович, даже не знаю, как объяснить! – картинно хватаясь за сердце, начал он. – Заработался, честное слово! Забыл про эту сволочь, он всю ночь без рапорта просидел!

– Успокойся. – Зыбин предложил Матвееву сесть. – Что случилось? Кто и где всю ночь просидел?

Матвеев был самым результативным инспектором в уголовном розыске. Если бы не его увлечение спиртным, быть бы ему, а не Игошину замом. Матвееву ни за Селивановского, ни за опоздание ничего не будет. Он у начальника на особом счету. Любимчик.

Оставив Матвеева и Зыбина готовиться к выяснению отношений с дежуркой, я пошел на торжественное собрание.

В крохотном актовом зале райотдела первые места заняли ветераны милиции и сотрудники, представленные к поощрению. За ними расселись представители всех служб и отделов РОВД. Я выбрал место в самом конце зала. Слева от меня сел мой коллега лейтенант Игорь Петровский, справа – участковый Ножин.

Участковый, в отличие от меня и Петровского, попал на торжественное за какую-то провинность.

Перед началом заседания я спросил Петровского, что бы могли означать кошмарные сны, снящиеся в определенной последовательности.

– Это ты с ума сходишь, – предположил он.

– Но-но, полегче, дядя! Ты вроде бы мент, а не профессор медицины. Себе диагнозы ставь.

– Андрюха, мы все здесь скоро с ума сойдем от такой работы. Ни сна, ни отдыха! Представь, мне Зыбин сказал до конца месяца посадить Маркиза, а как я его за решетку упеку, если он на дно залег и на дело больше не ходит? Ты как Марата повязал?

– Нужный человек слово шепнул, я его прямо на хате взял. Но Марат – не Маркиз. Марат тупой, а Маркиз все свои ходы на шаг вперед продумывает. Не завидую я тебе, Игорек. Кстати, а что будет, если с заданием не справишься?

– В вытрезвитель начальником смены переведут.

В милицейской иерархии самой престижной считалась работа в оперативных службах – БХСС и ОУР. Вытрезвитель традиционно был местом ссылки для нерадивых офицеров.

Заслышав разговор о ночных кошмарах, оживился сосед справа.

– Дурные сны, Андрей, они от нервов, от психической перегрузки, – авторитетно заверил Ножин. – У меня было такое по молодости, и я нашел верное средство. Какое, подсказать?

– Догадываюсь. Оно в магазине по пять тридцать продается.

– Вот-вот, оно самое. Прими перед сном два раза по сто грамм, и кошмары как рукой снимет.

Заболтавшись, мы не заметили, как на сцену поднялись члены президиума. После короткой вступительной речи начальника райотдела Вьюгина место за трибуной занял замполит.

Замполит пришел к нам в РОВД с должности инструктора Кировского райкома КПСС. При аттестации ему сразу же присвоили звание капитана милиции и назначили заместителем Вьюгина. Замполит был хороший мужик, он ни от кого не скрывал, что, отработав в милиции лет пять-шесть, он вернется в партийные структуры, но уже на вышестоящую должность. Милицейской работой замполит не интересовался, но в области партийно-политического словоблудия был мастером своего дела.

– Товарищи! – торжественным тоном начал он. – В этом году мы должны повысить раскрываемость преступлений на одну целую и три десятых процента. Посильную помощь в выполнении поставленных перед нами задач мы надеемся получить от наших уважаемых ветеранов, асов и профессионалов сыскного дела.

В зале, вслед за начальником РОВД, вяло поаплодировали. Растроганные ветераны зашептались между собой. Докладчик продолжил нести чушь.

«Нашелся бы смельчак, – размышлял я, – вышел на сцену и сказал: «Товарищи, ежегодное повышение процента раскрываемости – это бред! Рано или поздно наступит сто процентов, и дальше повышать будет нечего». Но нет, никто не выйдет и ничего не скажет. Даже если сейчас замполит предложит перепрыгнуть планку стопроцентной раскрываемости, в зале никто никак не отреагирует. Во-первых, всем наплевать, что он говорит, а во-вторых, докладчику возражать нельзя, ибо он несет в массы слово партии, а партия ошибаться не может по определению».

Мои соседи, убаюканные монотонным докладом, стали клевать носами, меня же сон не брал. Мне проценты не давали покоя. От этих процентов зависели успехи по службе, и кто умел подтасовывать цифры, тот ходил в передовиках. Кто ничего не понимал в математике, был вечным отстающим. И так не только в милиции – везде. Взять хотя бы наш хлебокомбинат, где всюду развешаны плакаты с призывом выполнить пятилетку досрочно. А куда девать сверх плана выпеченный хлеб, если его не раскупят в магазинах? На сухари пустить или на корм скоту? Не слишком ли расточительно свиней белым хлебом кормить?

В зале зааплодировали. Замполит, довольный собой, отпил воды из стакана, перевернул листочек и продолжил речь.

«Интересно, есть в зале хотя бы один человек, который бы искренне верил в то, что процент раскрываемости преступлений является залогом личной и имущественной безопасности каждого советского гражданина? Да гражданам плевать на наши проценты! Они и знать-то о них ничего не знают. Как я, например, ничего не знаю о количестве реально выпущенной в СССР мужской обуви. По официальной статистике, у каждого обувного магазина должны выситься пирамиды из красивых мужских туфель, прочных осенних ботинок и легких кроссовок. В действительности же в магазинах продаются туфли двух-трех моделей, дизайн которых был разработан лет за сорок до моего рождения. И так во всем! Ничему произнесенному с трибуны нельзя верить. Но есть в советском официозе одно очень важное и положительное «но», которое лично мне греет душу – никто тебя не заставляет верить ни в проценты раскрываемости, ни в сотни тысяч пар кроссовок, выпущенных в прошлом году обувными заводами СССР».

Докладчик за трибуной сменился, но в зале этого никто не заметил.

Незаметно для себя с процентов я переключился на личные проблемы.

Лариса! Вот кто не простит мне испорченных праздников. Одно под одно! Но, может, оно и к лучшему: движение синусоиды вниз не может продолжаться бесконечно. Когда-то она должна достичь дна и начать путь наверх. Быть может, внеочередное дежурство – это знак судьбы, мол, хватит, Андрей Николаевич, фигней заниматься! На Калмыковой свет клином не сошелся. Оглянись по сторонам – вокруг полным-полно блондинок и брюнеток, готовых познакомиться с молодым перспективным лейтенантом.

Калмыковой Ларисе было двадцать лет. Она окончила кондитерское училище и второй год работала на хлебокомбинате в цехе по производству пряников. Лариса была крашеной блондинкой невысокого роста, худенькой, но в нужных местах приятной округлости. Мои отношения с ней развивались стремительно. Не прошло и месяца с момента нашей первой встречи, как я предложил ей зайти ко мне в комнату, «попить чаю».

– Нет, Андрей, – ответила она, смеясь. – В общагу я не пойду, даже не надейся. Давай лучше у меня дома в эту субботу «чай попьем». Часам к четырем ты освободишься? Отлично, я постараюсь куда-нибудь маму отправить, чтобы нам не мешала.

В канун Нового года я объявил родне, что весной женюсь.

– На ком? – недовольно спросила мать.

Я объяснил. У нее подкосились ноги.

– Андрей, ты это серьезно говоришь? Андрюша, неужели ты собрался жениться на пэтэушнице из неполной семьи? У нее ведь одна мать, я правильно поняла?

– Добавлю к портрету моей невесты легкий штрих, – с издевкой сказал я. – Она – крашеная блондинка.

– Боже мой! – Мать в отчаянии схватилась за голову. По ее убеждению, крашеные блондинки все поголовно были потаскухами.

– Андрей, – строго сказал отец, – разве для того мы дали тебе высшее образование, чтобы ты женился на какой-то кондитерше?

– Чего, чего? – взъелся я. – Это какое вы мне высшее образование дали? Вы меня, часом, с Юркой не попутали? Это он, пока в институте учился, у вас на шее сидел, а я с семнадцати лет на гособеспечение ушел.

– Мы тебе в школу милиции деньги отсылали, – не унимался отец.

– Какие деньги, по десятке в месяц? Могу вам их за полгода все до копеечки вернуть.

Узнавший о семейном скандале брат встретился со мной и тоже попытался наставить на путь истинный, но я был непреклонен.

– Юра, как вы надоели мне со своими условностями: «Не женись на пэтэушнице! Не чавкай за столом! Держи вилку в левой руке!» Да мне плевать на эти

условности, понял? Как хочу, так и буду жить! Кто вам сказал, что если она работает на заводе, то из нее выйдет плохая жена? А что, высшее образование гарантирует счастливый брак? Ты уверен? А я – нет.

К моему удивлению, будущая теща тоже была не в восторге от нашей женитьбы. Она, видите ли, желала дочке мужа из состоятельной семьи, с квартирой, машиной и желательно загородной дачей. Этакого принца на белом коне. Зашел бы при мне разговор о принцах, я бы спросил, коли она желает такого сказочного жениха, то какого черта у нее дочка на оформлении сувенирных пряников работает, а не в институте иностранный язык преподает? Принцы на принцессах женятся, а не на пэтэушницах.

Но не козни родственников стали препятствием нашему браку. Причина была в нас самих.

Пока я бродил по лабиринтам свих воспоминаний, собрание закончилось. Стараясь не упустить ни минуты, я побежал в свой кабинет покурить.

– Андрей, тебе звонила какая-то Лебедева, – сказали мне коллеги.

– Лебедева? Какого черта ей от меня надо?

– Слышь, Андрюха, твои бабы, ты с ними сам разбирайся.

– Она ничего не просила передать?

– Сказала, что ближе к пяти часам перезвонит.

– Все на совещание! – пошел по кабинетам Игошин. – Окурки тщательнее тушите, не дай бог, райотдел подпалим.

На инструктивном совещании о задачах сотрудников милиции, назначенных в оцепление улиц, где пройдут праздничные колонны трудящихся, мне было нечего делать. Во-первых, я в школе милиции четыре года простоял в оцеплениях и весь предстоящий инструктаж знал от «А» до «Я», а во-вторых, на Первое мая мне дежурить, так что демонстрация пройдет без меня. Но, соблюдая служебный этикет, я достал блокнот и стал делать вид, что записываю

номера приказов Министра МВД СССР, регламентирующих поведение сотрудника милиции в местах массового скопления граждан.

Итак, Лариса. В январе мы стали серьезно обсуждать, где и как станем жить после регистрации брака. И тут моя невеста встала в позу.

– Я не пойду жить к тебе в общежитие, – заявила она. – Ты сам представь, что это за быт: душа нет, туалет на этаже, стирать негде, еду готовить – на общей кухне! А ребенок родится, мы где его купать будем, в комнате? Ведрами будем в ванночку воду носить?

– А как же «с милым рай и в шалаше»? – саркастично спросил я.

– Это поговорка про пещерных людей. Я выросла в благоустроенной квартире и в каменный век возвращаться не собираюсь. Андрей, забудь об общежитии.
Я туда – ни ногой!

А я, в свою очередь, не желал жить в одной квартире с тещей. На фиг мне такая квартира, где мне ни водки с друзьями выпить, ни в трусах поутру в туалет пройти?

Оставался обоюдно приемлемый вариант – снять на длительный срок квартиру или КГТ. Но на кой черт мне съемное жилье, если у меня есть своя комната? Не проще ли для этой комнаты выбрать другую хозяйку?

Так синусоида моих с Калмыковой отношений, дойдя до верхней точки, плавно двинулась в обратном направлении: из категории «жених-невеста» мы перешли в разряд «любовники». Следующая стадия – «знакомые». Потом – «бывшие знакомые».

– Андрей, ты что чертишь? – толкнул меня сидящий рядом Елькин. – Я вот цветочки в блокноте рисую, домики, а ты что, в геометрию ударился?

– Это синусоида потребления алкогольных напитков в моем общежитии, – прошептал я. – Смотри, сегодня пятница, и к вечеру синусоида достигнет наивысшей точки – все упьются. Завтра пьянка пойдет на спад, так как в воскресенье всем на демонстрацию. После демонстрации синусоида вновь

рванет вверх, до самого предела. Второго числа опять вниз. Мне бы сегодняшний вечер как-нибудь продержаться. Знаю я, что такое, когда вся общага на рогах: до утра то музыка, то разборки, то истерики у баб, которым мужика не хватило.

– Сочувствую! В заводской общаге жить – не сахар!

– Прекратите шум в зале! – призвал к порядку докладчик. – Для тех, кто заступает на усиление в городское и областное УВД, напоминаю: Первого мая ответственным от областного УВД будет полковник милиции Николаенко Евгений Павлович.

Опачки! Его только мне для полного счастья не хватало. А забавно будет подойти к нему в областном управлении и спросить: «Товарищ полковник, не подскажете, какого хрена вы мне весь апрель в кошмарных снах снитесь?» Вот у него челюсть-то выпадет!

Или еще финт, сказать Лариске, мол, все, я согласен на съемную квартиру. Поживем в ней лет десять-пятнадцать, а там свое жилье получим. Она обрадуется, платье белое купит, волосы пергидролем подновит, созовет друзей-знакомых в ЗАГС. А я на вопрос регистраторши: «Согласны ли вы взять в жены Калмыкову Ларису?» – отвечу: «Нет! Я передумал. Она носки штопать не умеет. На фиг мне такая жена нужна?»

На выходе из актового зала меня поджидал помощник дежурного по райотделу.

– Лаптев, собирайся на выезд. У тебя на участке гараж ограбили.

– Ты чего несешь, какой участок? Сегодня в райотделе две оперативных группы дежурят, а ты меня на место происшествия посылаешь?

– Обе группы на выезде. Вьюгин сказал, пока запарка не спадет, всем инспекторам перекрывать свои участки. Давай, собирайся – и в дежурку, следователь уже ждет.

– Кого от следствия отправили?

– Болонку.

Выругавшись про себя, я зашел в кабинет, взял папку с бланками, надел фуражку, плащ и пошел на выезд.

Кудрявой остролицей Болонке, по паспорту Антонине Чевтайкиной, было около сорока лет, замужем она никогда не была и с ее стервозным характером никогда не выйдет. Меня, молодого цветущего мужчину, Болонка откровенно недолюбливала. Я платил ей той же монетой.

– Лаптев, – сказала она у дежурки, – транспорта для нас нет, так что иди лови машину.

Я вышел на дорогу и взмахом руки остановил первый попавшийся легковой автомобиль.

– Командир, я вроде бы ничего не нарушил, – стал оправдываться шофер.

– С наступающим вас праздником, товарищ водитель! Подвезите нас с коллегой на улицу Коминтерновскую. Как доехать, знаете?

Водитель, молодой, рабочего вида парень, облегченно выдохнул:

– Знаю, конечно! Садитесь, я вас мигом домчу.

В гаражном кооперативе нас дожидались участковый, потерпевший, человек пять зевак и стайка пацанов, забравшихся на крыши гаражей противоположного ряда.

Потерпевшим был старик лет семидесяти, одетый в поношенную болоньевую куртку и старомодную, попорченную молью беретку. Во рту его не хватало передних зубов, на левой скуле рос шишак величиной с голубиное яйцо.

– Вот, товарищи, – сказал он, показывая на вскрытый гараж, – обокрали меня. Все подчистую, суки, вынесли. Как дальше жить, ума не приложу!

– Вы давно обнаружили кражу? – спросила Чевтайкина.

– Да меня с зимы тут не было, а сегодня, перед праздником, решил проверить, а тут такое дело! Что украли? Запасное колесо к мотоциклу, набор гаечных ключей, банку малинового варенья… Или нет, варенье я еще с осени домой унес. Остальное все вроде бы цело.

С места происшествия я вернулся в райотдел после шести часов вечера. Повторный звонок от Лебедевой, естественно, пропустил. Да и черт с ней, надо будет, найдет!

Глава 4

Общага

Когда я возвращался домой, уже смеркалось. Мелкий нудный дождь, ливший с небольшими перерывами почти весь день, прекратился.

От остановки до общежития мой путь пролегал вдоль жилого микрорайона, пользующегося дурной славой: грабежи и драки в нем случались через день да каждый день. Благо микрорайон относился к Центральному РОВД, и состояние преступности в нем меня не касалось.

В преддверии праздника из открытых форточек и окон гремела музыка. В основном старые записи «Бони М», реже советские исполнители: Алла Пугачева, «Машина времени», «Динамик». Какой-то эстет выставил на балкон колонки от стереосистемы и на всю округу крутил «Битлз», музыку древнюю и малопонятную.

Этой зимой мне случайно удалось ознакомиться с закрытым письмом ЦК ВЛКСМ. В преамбуле документа приводился социологический обзор популярности у советской молодежи различных эстрадных исполнителей. Первое место, с большим отрывом, занимал квартет (так в тексте письма) «Бони М». Вторым по популярности была шведская «АББА», ближайший советский ансамбль отставал от лидеров процентов на тридцать. Официозных советских певцов слушало только два-три процента опрошенных.

После прочтения письма я сказал комсоргу райотдела, что нашему правительству давно пора объявить «Бони М» русским народным ансамблем, а участников его представить к государственным наградам: Фрэнку Фариану присвоить звание Героя Социалистического Труда, Лиз Митчелл и Бобби Фаррелла наградить орденами Ленина.

– Кто такой Фрэнк Фариан? – серьезно спросил наш комсомольский вожак.

– Известный борец за права негров из ФРГ, основатель «Бони М», друг советского народа.

В конце марта комсорг пригласил меня к себе и показал директиву Секретариата ЦК ВЛКСМ о запрещении к публичному воспроизведению на территории СССР ряда зарубежных исполнителей.

– Полюбуйся, – негодовал комсорг, – партия запретила песню «Бони М» «Распутин»! А ты мне лапшу на уши вешал, мол, они о мире между народами поют.

– Откуда я знаю, о чем они поют! – контратаковал я. – Только ты затычки из ушей вытащи, выйди на улицу и послушай – из каждого утюга «Распутин» звучит. Как им всем рот заткнуть собрались, не объяснишь?

– Лаптев, – перебил меня комсорг, – ты недавно школу милиции окончил, ты должен быть примером для комсомольцев райотдела, а ты за какой-то паршивый «Бони М» агитируешь.

– Я согласен быть примером! Я ретроградом быть не желаю.

– Кто такой ретроград? – простодушно спросил комсорг.

– Тот, кто Зыкину добровольно слушает.

Из подворотни у продовольственного магазина на улицу вышли трое подвыпивших парней, увидели человека в форме и юркнули назад, дожидаться темноты. Время шакалить еще не наступило.

На проходной сегодня дежурила баба Нюра, с которой я любил иногда поболтать за жизнь.

– Добрый вечер, Анна Ефимовна! – поприветствовал я старушку. – Я заметил какую-то беготню на заводе. Там ничего не случилось?

– Андрей Николаевич, это наши, заводские мужики засиделись после смены. Выпивали. Сейчас домой пошли, а тут ты в форме. Они спьяну не разобрали, кто пришел, вот и разбежались по цехам.

У вахтерши на подоконнике стояло небольшое зеркало, чтобы она могла, не вставая с места, контролировать и заводскую площадь, и вход на лестничный марш в общежитие.

В этом зеркале вначале я заметил женские ноги в джинсах, потом легонькие курточки, потом трех девушек, спускающихся на первый этаж. Две первые девушки – это Галька-парикмахерша и ее подруга с мукомольного цеха. За ними шла светленькая практикантка, та самая, о которой утром вздыхал кривой грузчик Николай. Заводилой в их компании была парикмахерша. Она была еще молодая, не больше двадцати пяти лет, с узким, вытянутым книзу лицом, крохотным ртом и кудрявыми волосами. По каким-то необъяснимым причинам я с детства не любил кудрявых женщин.

– Стоп! – скомандовал я, когда они оказались у меня за спиной. – Куда собрались?

– Погулять, куда еще? – с вызовом ответила парикмахерша.

Мои отношения с ней всегда балансировали на грани открытой неприязни. Возможно, ей не нравился мой тип мужчин.

– Погулять? – Я повернулся к ним лицом. – Куда, если не секрет? Куда вы собрались пойти на ночь глядя в нашем районе?

Я говорил с девушками с точно такой же интонацией, какой мой начальник распекает опоздавших на развод инспекторов.

– Где здесь гулять? – жестко спросил я.

Практикантка, смутившись, опустила голову. Парикмахерша сверлила меня злобным взглядом, но пока молчала.

– Там, – я показал рукой в сторону объездной дороги, – там пустырь, за заводом – промзона. А вон там – жилой массив, где нет ни кинотеатров, ни кафе. Идти туда сегодня вечером можно только с одной целью – чтобы вас избили, ограбили и изнасиловали. Сегодня пятница, предпраздничный день. Сегодня вся мразь выползет на улицу приключения на свою задницу искать. А вы куда идете, к ним в гости?

Практикантка посмотрела на меня. В ее взгляде были восхищение, страх и восторг одновременно. Она смотрела на меня, как ребенок смотрит на Деда Мороза, достающего из мешка долгожданный подарок: ту ли игрушку он принес? не обманет ли? настоящий это Дед Мороз или нет?

– Разворачивайтесь и идите назад, – жестко велел я. – Завтра днем гулять будете.

– Вы, Андрей Николаевич, не указывайте нам, когда идти гулять, а когда нет! – начала было парикмахерша, но я властно перебил ее:

– Комарова! Еще слово, и я завтра напишу директору хлебокомбината докладную записку, что ты не только сама ведешь антиобщественный образ жизни, но и подбиваешь к нему остальных жильцов общежития.

Она в растерянности открыла рот, но я только усилил нажим.

– Галина! Еще хоть одно слово, и я поставлю тебя на место. Ты, Галя, не заводская. Ты тут живешь на птичьих правах, так что посмеешь мне перечить – и вылетишь из общаги, как пробка из бутылки.

Парикмахерша, пробормотав мне пожелания «приятного» вечера, развернулась и пошла с подругой наверх. Запуганная практикантка – следом. Наверняка она представила разгромную характеристику по итогам практики: «…в быту вела себя развязно, правила социалистического общежития не соблюдала». С такой

характеристикой немудрено до последнего курса не доучиться.

– Так их, Андрей Николаевич! – одобрила вахтерша. – А то совсем распоясались! Ладно, Галька пошла хвостом вертеть, ей, курве, терять нечего, а эта новенькая, ссыкуха, куда намылилась? Ей хоть восемнадцать-то есть?

– На третьем курсе учится, значит, уже есть.

У себя в комнате я переоделся, вскипятил чаю. Вообще-то в общежитии запрещено в жилых комнатах пользоваться электронагревательными приборами, но все семейные и «блатные» плевали на этот запрет. Я – тем более. Ко мне в комнату ни одна жилищно-бытовая комиссия с проверкой не зайдет.

По коридору в сторону туалета прошла первая партия подвыпившей молодежи. Сейчас начнется хождение туда-сюда-обратно! До самого утра покоя не будет… А мне сидеть в комнате одному? Ради чего? Ради Лариски, которая как узнает, что я Первого мая дежурю, так губки подожмет: «Ты всегда так! На тебя никогда надеяться нельзя!»

– Тихо ты! – раздался громкий мужской шепот за дверью. – Андрюха Лаптев сегодня не в духе с работы пришел. Гальку-парикмахершу ни за что ни про что на проходной отодрал.

Какое многозначительное слово «отодрал»! В другой день этот паренек наверняка бы употребил иное, более нейтральное слово, но сегодня, сегодня сама атмосфера, царящая в общежитии, дурманит всем головы. Сегодня будет ночь вина, любви, свободы, женских разборок и пьяных базаров.

Жизнь продолжалась. У соседей слева заплакал ребенок. Соседи снизу, чтобы не слышать его плач, врубили музыку. За окном водитель хлебного фургона посигналил вахтерше, чтобы открывала ворота.

«Если синусоида моей личной жизни стремительно идет вниз, то самое глупое, что можно придумать, – это пассивно сидеть и ждать, когда все наладится. Ничего само собой не наладится. Надо действовать. С кого начать?»

Кандидаток на замену Калмыковой было две. Первая – это Татьяна Филиппова с нашего завода. С тех пор как в отношениях между мной и Лариской началось явное похолодание, Татьяна стала оказывать мне недвусмысленные знаки внимания, мол, в одной общаге живем, а я девушка симпатичная и незакомплексованная. Вторая кандидатка – светленькая практикантка.

Практикантка была симпатичнее, Филиппова – доступнее, значит, начинать надо с нее.

Самому идти в девичью комнату мне не хотелось, так что пришлось прибегнуть к помощи посредника. В мужском умывальнике, куда собрались покурить и пообщаться холостяки со всего этажа, я нашел Шамиля, шустрого татарчонка, недавно вернувшегося из армии.

– Шамиль, найди Таньку Филиппову, скажи, что ее к телефону зовут.

На принятом в общежитии жаргоне «позвать к телефону» означало вызвать человека для разговора на запасную лестницу. Единственный городской телефон, к которому теоретически могли позвать жильца общежития, был на проходной, но ни одна вахтерша к нему никого звать не станет. Да и как она позовет, если ей со своего поста отлучаться запрещено?

На запасной лестнице был полумрак, с этажей доносились звуки набирающего силу веселья.

Вызванная из-за стола Татьяна была под хмельком. По случаю всеобщего застолья на ней был розовый польский батник – дефицитнейшая вещь, в магазине не купишь. Я бы на месте Тани поберег батничек для более торжественного случая.

– А, это ты! – «разочарованно» протянула Филиппова. – Чего позвал?

– Пошли ко мне, чай попьем, музыку послушаем. – Я решил сразу же брать быка за рога: «да» – да, «нет» – нет. Мы люди взрослые, что означает приглашение в гости к холостому мужчине – ежу понятно. Чего крутить вокруг да около?

– Андрюша, скажи, а что такое сегодня случилось, что ты до меня снизошел? Ты поссорился со своей Ларисой или у нее сегодня неприемные дни?

Судя по тону, она решила набить себе цену, помотать мне нервы перед тем, как милостиво согласиться лечь в мою кровать.

– Желаю приятно провести вечер, – похлопал я ее по плечу. – Береги батник, а то прожжешь нечаянно сигаретой!

Пока она обдумывала, что ответить, я вышел с лестничной площадки.

– Андрей, – раздалось мне вслед, – запомни, так девушку в гости не приглашают!

Я ничего не стал отвечать. Облом так облом. Как-нибудь переживу.

В коридоре меня из общей кухни окликнула Инга:

– Андрей, я не могу от плиты отойти. У тебя есть закурить?

Я зашел на кухню, угостил ее сигаретой.

– Ищешь по общаге, кого бы к себе на ночь заманить? – цинично спросила Инга, помешивая закипающее молоко в кастрюльке. – Рано вышел. Подожди часок-полтора, скоро девки перепьются, и тогда любую выбирай!

Я был едва ли не единственным человеком в общежитии, с кем Инга поддерживала отношения. Остальные жильцы, и мужчины, и женщины, сторонились ее и старались не иметь с ней никаких дел. Причиной тому были ее колючий характер и зэковская внешность: на веках у Инги была татуировка «Не буди!», на кистях рук – примитивные наколки. По возрасту она была еще молодая, не больше тридцати лет, но одевалась всегда неряшливо и бедно. Комнату в общежитии она получила как мать-одиночка.

– Инга, а если я тебя к себе позову? – спросил я.

В развернутом виде это предложение должно было бы прозвучать так: «Инга, а если я наплюю на то, что ты страшненькая и вся какая-то потасканная и позову

тебя к себе? Что ты на это скажешь?»

– Андрей, я не сплю с маленькими мальчиками.

В ее ответе не было ни иронии, ни сарказма, ни издевки – только сухая констатация факта: «Как мужчина ты меня не интересуешь». Интересно, а кто же ее тогда заинтересует? Я ни разу не видел ее с мужчиной, но кто-то же был отцом у ребенка! А что ребенок это ее, сомневаться не приходилось – в первые месяцы Инга кормила младенца грудью.

Вернувшись к себе, я включил транзистор, стал искать музыку. В дверь осторожно постучали.

«Опачки, неужели Татьяна передумала! Поздно, голубушка, поздно!»

Я открыл дверь, но вместо Филипповой в комнату ввалилась пьяная Маринка Селезнева.

«Мать его! – подумал я. – Только тебя мне тут не хватало!»

Марина была очень раскованной во всех отношениях девицей. К слову сказать, это из-за нее разбили стекло в мужском туалете.

– Андрюша, – она повисла у меня на плечах, – ты правильно сделал, что Таньку отшил! Андрюша, я сегодня от тебя никуда не уйду!

– Погоди, Марина, погоди! – забормотал я, отстраняясь от ее слюнявых губ. – Марина, я тоже тебя люблю, но только не сегодня. Марина, мне завтра на работу рано вставать! Марина!

Я с силой встряхнул ее.

– Марина! Меня сейчас на работу вызывают! Все, иди, солнышко, мне пора в райотдел ехать.

Насилу я выпроводил ее. Чего-чего, а заниматься любовью с Селезневой я не буду. Неохота потом перед врачами в кожвендиспансере краснеть.

Минут через двадцать ко мне заглянул Шамиль.

– Андрей Николаевич, пойдем, с нами посидишь. Там все свои собрались. Пошли, все равно ведь спать не дадут.

– Пошли, – неохотно согласился я.

В этот вечер я соблюдал похвальную умеренность в спиртном, так что на другой день на работе воду стаканами из графина не пил.

Глава 5

Язык татуировок

Для сотрудников уголовного розыска в нашем райотделе каждая суббота до обеда была рабочей. Обычай выходить на службу в законный выходной день ввел еще Вьюгин, когда был заместителем начальника Заводского РОВД по оперативной работе. С практической точки зрения пребывание инспекторов ОУР в субботу на рабочем месте смысла не имело. Выходной – он ведь и есть выходной, из-под палки работать никого не заставишь.

Как правило, по субботам после развода инспектора рассаживались по своим кабинетам и делали вид, что занимаются бумажной работой: подшивают дела, пишут отчеты, справки. На самом деле, перекладывая папки с делами с места на место, мои коллеги начинали неспешный разговор, который через некоторое время перерастал в бурный диспут, полный эмоций и ненормативной лексики. Темы для споров были самые различные, но всегда, если одна часть инспекторов считала стакан с водой наполовину полным, то другая яростно возражала: «Он наполовину пустой!»

Так, один из самых бурных споров возник вокруг личности иракского президента Саддама Хусейна: инспектор Матвеев утверждал, что Хусейн – это арабский Гитлер, а Шахбанов и Андреев считали его революционером, коммунистом, главным союзником СССР на Ближнем Востоке. Спрашивается, на кой хрен вам сдался этот Саддам Хусейн, если вы даже портрета его никогда не видели?

Но спор ради спора – это традиционное субботнее развлечение в нашем отделе.

Сегодня повод для диспута дал я.

– Мужики, – обратился я к инспекторам, – кто-нибудь из вас знает, у нас в области есть спецшкола для малолетних преступниц?

– А что, для девчонок спецшколы есть? – удивился Петровский.

– Если для пацанов есть, то должны быть и для девчонок, – логично предположил Матвеев. – Но я про такую в наших краях не слышал.

– Второй вопрос, – продолжил я. – Что означает обвитая колючей проволокой роза, над которой кружится шмель?

– Это вопрос в продолжение темы про спецшколы? – спросил Елькин. – Если роза выколота на бедре, то эта женщина – лесбиянка. Если роза с шипами – то активная. Про колючую проволоку и шмеля ничего не скажу.

– Андрюха, где это ты такую фифу встретил? – заинтересовался Матвеев.

– Со мной в одном общежитии живет. Я проверял, она не судимая.

– У нее еще наколки есть?

– Есть, целый комплект. На веках у нее татуировано «Не буди!», на большом пальце правой руки знак – «Смерть буграм!» На кисти левой руки пять точек – «Я под конвоем». Над правой грудью выколота глазастая ящерица, точно такая же, как на коробке из-под ботинок «Саламандра». Про розу в колючей проволоке я уже сказал.

– А как ты у нее наколку-то на груди увидел, а? – хитро подмигнув, спросил Елькин.

– Она при мне ребенка грудью кормила.

– Значит, так, – немного подумав, сказал Матвеев. – Если эта твоя знакомая и вправду была в спецшколе, то и роза, и ящерица, скорее всего, ничего не означают.

– Да как не означают! – перебил его Елькин. – Я тебе говорю, роза – это символ лесбиянок!

– Ваня, ты что, глухой, что ли? – взъелся на него Матвеев. – Ты что, не слышал, что Андрюха сказал? У нее роза выколота на плече, а не на бедре! Ты «Три мушкетера» читал? По-твоему, Миледи лесбиянкой была?

– А при чем тут Миледи? – не сдавался Елькин.

– А при том, что малолетки за символизм наколок перед блатным миром ответственности не несут. Понравилась ей книжка про Миледи, она – бац! – и себе на плечо такую же розу наколола.

– Фигню ты говоришь, Серега! – Дальше Елькин сказать ничего не успел. Дверь в кабинет распахнулась, вошел Зыбин.

– Чего расселись, заняться нечем? – подчеркнуто грубо спросил он. – Марш по участкам!

«Зачем все эти неизвестно кем придуманные условности? – подумал я. – Зачем постоянно надо изображать служебное рвение, словно выступаешь на отчетно-выборном собрании? Разве нельзя просто, по-человечески, сказать: «Мужики, на сегодня – все! Идите по домам, проведите оставшуюся часть дня с семьями, вам завтра еще в оцеплении стоять». Или вот еще, у Сереги Матвеева своего участка нет, он «линейщик», занимается исключительно раскрытием имущественных преступлений. Ему-то куда идти, мне помогать?»

Менты начальственный язык понимают с полуслова. Сказал Зыбин: «По участкам!» – курточки накинули и пошли «работать».

Я, не заезжая ни на какой участок, поехал в общежитие.

На проходной сегодня дежурила Людмила Анатольевна, спокойная, рассудительная женщина предпенсионного возраста.

– Андрей Николаевич, – остановила она меня, – тебя тут девушка целый час дожидалась.

– Какая девушка? – удивился я.

– Светленькая такая, голубоглазая, в красной курточке.

«Какая еще светленькая девушка? – озадачился я. – Калмыкову вахтерша знает. Практикантку тоже знает. Кто бы это мог быть?»

– Она тебе записку оставила. Держи.

Судя по всему, незнакомка произвела на вахтершу благоприятное впечатление, так как записку она написала на листочке, вырванном из служебного блокнота Людмилы Анатольевна. Наши вахтерши – женщины прижимистые, кому попало листочки давать не будут.

«Андрей! Я уже второй день никак не могу с тобой связаться. Пожалуйста, позвони мне. Я буду ждать, во сколько бы ты ни позвонил. Л.Л.».

Лена Лебедева. Ее почерк я бы узнал из сотни или даже из тысячи почерков. Целый год, когда я учился на первом курсе школы милиции, мы переписывались. Ее письма я перечитывал по многу раз и все до единого хранил как зеницу ока. Потом все сжег.

– Я позвоню? – для приличия спросил я у вахтерши.

– Звони, конечно, только она ушла совсем недавно. Удивляюсь, как вы по дороге не встретились.

Я набрал номер. На том конце трубку не брали.

– Андрей Николаевич, – вывел меня из задумчивости голос вахтерши. – Можно, я личный вопрос задам?

– Конечно, можно. – Я положил трубку. Потом позвоню.

– Андрей Николаевич, – вахтерша стала говорить вполголоса, чтобы случайно проходящий мимо человек не смог ее услышать. – Вот Инга, которая у нас живет, она ведь ведьма, ее не зря все боятся. По ней сразу же видно, что она и сдачи даст, и за словом в карман не полезет. Но вот поговорил с ней и в следующую минуту про нее уже забыл. А эта девушка, что тебя ждала, она… как бы сказать-то…

– Я все понял, Людмила Анатольевна. После того, как она ушла, у вас на душе осталось неосознанное чувство тревоги, как будто произошло что-то нехорошее, а что именно, пока непонятно. Так ведь?

– Как точно сказал! Вот, вот, «неосознанное чувство тревоги».

– Людмила Анатольевна, у этой девушки на левой руке шесть пальцев. Два мизинца, один чуть пониже другого. Могу дать гарантию, когда она с вами разговаривала, то держала левую руку в кармане. Было такое? Потом она стала у вас на столе писать мне записку. Авторучку она держала в правой руке, а левой придерживала листок. Вы, чтобы не мешать ей, смотрели на заводскую площадь, а в зеркало, краем глаза, видели руку с шестью пальцами.

– У нее шесть пальцев?! – Вахтерша зачем-то посмотрела на свои ладони. – То-то я думаю, мне как-то не по себе стало после ее ухода. У нее давно так?

– Конечно, давно, – усмехнулся я. – С рождения.

– Вот ведь не повезло девчонке! Симпатичная такая, а надо же, шесть пальцев!

– Людмила Анатольевна, она на словах ничего не просила мне передать?

– Да нет, написала записку и ушла… Это же надо, молодая какая, а с пальцами – беда! Кто же ее такую замуж возьмет?

Оставив вахтершу вздыхать да охать по поводу физического недостатка моей знакомой, я поднялся к себе, прикинул план на вечер. План был один – пригласить светленькую практикантку погулять, познакомиться поближе, то да

се, а там, там – как карта ляжет. Главное, обозначить свой искренний интерес к ней.

«Извините, я вчера не дал вам погулять, готов исправить оплошность. Что вы скажете, если я приглашу вас посидеть в кафе в центре города? Я знаю одно прекрасное местечко».

Естественно, ни в какое кафе мы не попадем. В преддверии Первомая все кафе и рестораны давным-давно заказаны под коллективные вечеринки. Но не в кафе суть. Главное – выйти вместе из общежития, а там тему для разговора я всегда найду.

Осталось решить глобальный вопрос: одевать ли «Монтану», самый ценный предмет моего гардероба?

Я заплатил за фирменную «Монтану» сто пятьдесят кровно заработанных рублей, целое состояние. На базаре стандартная цена таким джинсам – три сотни. Мне они достались по случаю – сын начальника БХСС нашего райотдела попал в нехорошую историю и без моей помощи мог бы вылететь из института. Папаша отблагодарил меня джинсами, а мог бы ограничиться бутылкой коньяка. Вот что значит быть начальником БХСС!

Я достал джинсы из шкафа, покрутил их в руках и положил на место. Идти после дождя в «Монтане» на улицу – это преступление перед здравым смыслом: я ведь всю прогулку не о девушке буду думать, а о том, как бы джинсы не испачкать.

Все мои планы перечеркнул властный стук в дверь. На пороге был Матвеев.

– Собирайся, дружище, нас ждут великие дела! – сказал он, с любопытством осматривая мое скромное жилище.

– Мать его, мне дежурить завтра, что случилось-то?

– Вьюгин аврал объявил. Всему уголовному розыску приказано безотлагательно заняться раскрытием чудовищного преступления – у одной старухи квартиру обворовали. Украли, прости господи, всякую чушь: комплект постельного белья, старые зимние сапоги, электробритву, радиоприемник «Селга» в кожаном чехле.

– А кто эта старуха, мать, поди, чья-нибудь?

– Почти угадал! – поблескивая золотым зубом, засмеялся Матвеев. – Зять у нее работает водителем председателя райисполкома. Уважаемый человек! Большое начальство каждый день видит.

– Блин, не могли они ее завтра обворовать! Никакой личной жизни.

– Молод ты еще личной жизнью заниматься. Работать надо, работать! Вьюгину полковничьи погоны зарабатывать.

Кражу мы раскрыли к девяти вечера. Лебедевой я не перезванивал. Не до нее было.

Глава 6

Дежурство

Первого мая, в воскресенье, я встал в шесть утра. Помылся и позавтракал на заводе. Надел парадную форму. На связку с ключами нацепил свисток, который при себе должен иметь каждый милиционер для подачи сигнала тревоги. Когда-то, лет пятьдесят назад, существовала таблица распознания сигналов, подаваемых свистком. Сейчас об этой таблице забыли, а свисток требуют предъявить на каждом строевом смотре. Спрашивается, зачем иметь при себе свисток, если даже твои коллеги не поймут, ты ли это подаешь им сигнал или это дети балуются?

В родном райотделе я получил на время дежурства табельное оружие, прослушал краткий инструктаж Вьюгина о правилах субординации с вышестоящим начальством. Инструктаж был чистой воды формальностью. Я же не сумасшедший, чтобы хамить «сильным мира сего».

С большим трудом я добрался до областного УВД. Общественный транспорт уже не ходил до центра города, уступив место праздничным колоннам трудящихся.

В половине девятого утра дежурный по областному УВД определил меня «усиливать» оперуполномоченного Эдуарда Мелкумяна.

Кабинет у Мелкумяна был вполовину больше, чем мой, а народу в нем, судя по письменным столам, работало всего четверо. Хорошо живут областники!

Эдуарду Мелкумяну было около сорока лет, по званию майор. Судя по чистоте произношения, родным языком для него был русский.

Все утро мой новый напарник страдал с похмелья. Как только его, с таким ядреным перегаром, допустили до дежурства? Я так вчера даже пробки от спиртного не понюхал, а этот Мелкумян, наверное, целую бутылку коньяка прикончил.

До одиннадцати утра я читал оставленный кем-то в кабинете журнал «Крестьянка». Больше заняться было нечем. Мелкумян был неразговорчив, а все остальные милиционеры в областном УВД сидели по своим кабинетам, ждали окончания демонстрации.

Без пяти минут одиннадцать телефон на столе у Мелкумяна зазвонил. Мы переглянулись. Ничего хорошего этот звонок не предвещал.

– Мелкумян, собирайтесь и бегом в дежурку! – взволнованным голосом велел дежурный по УВД.

– Мать его! – выругался напарник. – Нас-то что дергать? В райотделах опергруппы перевелись, что ли?

Дежурный по УВД действительно был не на шутку встревожен.

– Звонил наш бывший сотрудник Колесов Дмитрий Петрович. Ты, Эдик, должен его помнить, он в БХСС одно время работал. Так вот, он утверждает, что в соседней с ним квартире только что прозвучало два выстрела. Надо проверить. Не дай бог, факт подтвердится!

– А что, центральщики не могут съездить? Вдруг этому Колесову все померещилось? – недовольно пробурчал Мелкумян.

– Да ты что, мать твою, мелешь! – закричал дежурный. – А если это правда – стрельба в самый разгар праздника? Ты что, нас всех под монастырь подвести хочешь? Живо, ноги в руки и бегом на адрес! Бегом, ты понял?

– Как бегом, а машина где?

– Мелкумян, адрес находится от нас через три дома. Вы быстрым шагом там через пять минут будете. К тому же сегодня праздник, я поберегу машину на межгород. Ты все понял, Мелкумян? Как разведаешь обстановку, позвони.

Предполагаемое место происшествия оказалось кирпичным пятиэтажным домом постройки начала шестидесятых годов. У второго подъезда нас поджидал бодрый старичок с беспородной собачкой на поводке.

– Я живу в третьем подъезде, – поздоровавшись, пояснил он. – У меня за стенкой, вот здесь, в соседнем подъезде, дважды выстрелили из пистолета.

– Вы не могли ошибиться, Дмитрий Петрович? – дипломатично спросил Мелкумян.

– А ты сходи и проверь, ошибся я или нет, – язвительно ответил Колесов.

Квартира, где предположительно была стрельба, находилась на втором этаже. Окна выходили во двор. Дверь квартиры была закрыта.

– Как выйдут на пенсию, так им все что-то мерещится, – недовольно пробурчал Мелкумян, толкнул дверь… и она открылась.

– Андрюха, – прошептал он вмиг пересохшими губами, – у тебя ствол есть?

Я молча достал пистолет, передернул затвор и шагнул в квартиру. Мелкумян – следом.

Труп светловолосой девушки лежал посреди зала в луже крови. Даже в двух лужах, слившихся в одну: первая пуля пробила ей спину, вторая снесла половину черепа. Из обоих повреждений кровотечение к нашему приходу прекратилось.

Одета убитая была в домашний халат. При падении полы халата задрались кверху, обнажив стройные ровные ноги. Правая рука трупа была подмята туловищем, левая откинута в сторону.

– Ты видел? – зашипел Мелкумян, показывая рукой на труп.

– Что видел? – Я, словно предчувствуя необходимость действовать быстро, четко и слаженно, лихорадочно осматривал комнату. Если я хочу понять, что здесь произошло, то надо поторопиться, пока сюда не приехала половина городской милиции с прокурорами и криминалистами в придачу.

– Ты видел? – почти шепотом вновь спросил Мелкумян.

Только тут я понял, куда он тычет пальцем.

– Эдик, – стараясь сохранять спокойствие, сказал я, – тебе не мерещится. У нее шесть пальцев на левой руке. Шесть! Два мизинца.

Мелкумян схватился за лицо, прикрыв ладонью рот, дернулся всем телом, еле сдерживая подступившую к горлу рвоту.

– Эдик! – крикнул я. – Не вздумай здесь блевать, беги в ванную!

Напарник забежал в туалет и на несколько минут вышел из строя.

Я, стараясь ничего не упустить из виду, пошел по периметру комнаты.

Первое, что мне бросилось в глаза, была фотография на журнальном столике. Не мешкая ни секунды, я спрятал фотографию во внутренний карман кителя.

На этом же журнальном столике стояли телефон и пепельница, полная окурков. На лицевой панели телефона – табличка с его номером. Номер, естественно, тот, что вчера оставила Лебедева. В пепельнице было пять окурков: два – сигарет «БТ», остальные – «Родопи». Спичек в пепельнице было тоже две. Значит, человек, куривший «Родопи», прикуривал от зажигалки или прятал обгоревшие спички обратно в коробок (у меня брат так делает).

К выходу напарника из туалета я осмотрел первую комнату, гостиную, но больше ничего заслуживающего внимания не нашел.

– Ты, это, – Мелкумян рукавом кителя отер рот, – не топчись здесь. Здесь же место происшествия, следы затопчешь.

– Эдик, – воскликнул я, – да ты минуту назад собирался покойницу облевать, а мне сейчас прописные истины толковать взялся? Иди, звони в управление. У нас ЧП! Беги, объявляй тревогу, а я тут останусь, охранять.

После его ухода я бегло осмотрел вторую комнату и кухню. Ничего интересного.

«Теперь прикинем, что к чему. – Я обошел труп, встал в проеме между крохотной прихожей и залом. – Лебедева открыла входную дверь и побежала в дальнюю комнату. Убийца выстрелил ей в спину. Она упала. Он подошел и выстрелил ей в голову. Прошел мимо журнального столика с фотографией и вышел из квартиры».

Я вернулся к трупу. Встал примерно в то место, откуда стреляли Лебедевой в голову, развернулся и пошел к двери. Вывод: если убийца разворачивался через правое плечо, то он бы не заметил фотографию на столике, она бы оставалась у него сбоку, вне поля зрения.

В абсолютной тишине зазвонил телефон. Я вздрогнул от неожиданности. Все-таки неприятно находиться вдвоем с трупом в пустой квартире. Волей-неволей сердце сжимается от любых посторонних звуков, а тут – телефон!

«Я вчера звонил Лебедевой на этот телефон. Интересно, сохранился ли мой звонок на ГТС? Если да, то мне придется как-то объяснять, о чем я хотел поговорить с ней накануне ее убийства… Брать трубку или нет?»

Звонки прекратились.

– Андрей, ты гильзы не искал? – спросил вернувшийся в квартиру Мелкумян.

– Какие гильзы? Я тут стоял, у дверей. Никуда не проходил, ничего не трогал.

– Андрей, скажи мне, только честно, откуда ты знал, что у нее шесть пальцев? – очухавшийся после очищения желудка Мелкумян стал чрезмерно подозрительным.

– Эдик, у тебя сегодня мозги не работают? Ты наклонись и посчитай, сколько у нее пальцев на руке.

– Не надо врать! – взвизгнул он. – Ты сразу же сказал, что у нее шесть пальцев на левой руке, а не на обеих руках. Правую руку у нее не видно, но ты-то знал, что с ней все в порядке. Откуда?

В подъезде хлопнула входная дверь, сразу же стало шумно. К нам поднимались по лестнице несколько человек.

– Сейчас начнется! – успокоился Мелкумян. – Сейчас сюда приедут все на свете, кому сегодня делать нечего.

Первым в квартиру вошел высокий широкоплечий мужчина лет примерно пятидесяти, лысоватый, кареглазый, с тяжелой нижней челюстью. Полковник Николаенко. Я сегодня мельком видел его в областном УВД.

– Что здесь случилось? – Николаенко по-хозяйски прошел к убитой, наклонился и в ужасе отпрянул.

«Ого! – мелькнула мысль. – Он ожидал здесь увидеть кого угодно, только не Лену Лебедеву!»

Медленно выпрямившись, не поворачиваясь к нам лицом, полковник достал из заднего кармана брюк носовой платок, неспешно отер пот со лба.

– Личность убитой не устанавливали? – спросил он спокойным ровным голосом.

– Вот он откуда-то ее знает, – сказал Мелкумян.

– Кто он? – развернулся к нам Николаенко.

– Я, товарищ полковник. Я учился с ней в одном классе.

В квартире повисла неловкая пауза.

«Началось! – невесело подумал я. – Все в точности как было в моих кошмарных снах: я и Николаенко встречаемся у трупа изувеченной девушки».

– Давно вы вместе учились? – спросил Николаенко.

– Мы окончили десять классов в 1978 году. После школы я уехал учиться в другой город и больше ее не видел.

О том, что я встречался с Лебедевой летом 1979 года, я умолчал. Что было тем летом, касалось только меня и ее, и я не собирался посвящать посторонних в наши отношения. Мы одноклассники – для всех этого будет достаточно.

– Вы не виделись почти пять лет, но ты с первого взгляда опознал ее? – подозрительно прищурившись, спросил полковник. – Да на ней лица нет, все кровью залито.

– Я не ее узнал. Ее руку.

Николаенко кивнул в знак согласия, а я подумал:

«Дурак ты, полковник! Если ты ломаешь перед нами комедию, что видишь Лебедеву в первый раз, то почему ты не обернулся, не посмотрел, о чем я говорю? Мало ли что у покойницы может быть с рукой? Может, у нее всего три пальца, а не шесть?»

– А что здесь за запах такой стоит, перегарный? – принюхался Николаенко. – Мелкумян, а ну-ка, иди сюда! Дыхни.

– Да я, товарищ полковник… – залепетал напарник.

– Мелкумян, я отстраняю тебя от дежурства! – отчеканил Николаенко. – Иди в управление и напиши объяснение, как ты посмел явиться на дежурство в пьяном виде. Все! Пошел вон отсюда, алкаш! Разбираться с тобой мы будем на кадровой комиссии.

«Держал бы Эдик язык за зубами, Николаенко бы не тронул его, – подумал я. – Теперь, если Мелкумян кому-то станет рассказывать, что Николаенко неадекватно вел себя у трупа, то все сочтут, что он оговаривает полковника. Мстит ему за отстранение от дежурства».

В квартиру постепенно стали приходить все новые и новые лица: начальник милиции Центрального района, прокурор района, заместитель начальника областного УВД, прокурор области, судебно-медицинский эксперт, следователь прокуратуры, инспектора уголовного розыска, участковый, понятые. Появились даже сотрудники КГБ в штатском. Еще бы! Убийство, совершенное с применением огнестрельного оружия, в ста мерах от улицы, где проходит демонстрация, – это не бытовая «мокруха». Это чрезвычайное происшествие, возможно, посягающее на государственную безопасность. Это вызов всему советскому обществу и всей правоохранительной системе в целом.

Пока высокое начальство осматривало место происшествия и обменивалось мнениями, Николаенко вывел меня в подъезд и подробно расспросил о Лебедевой.

Я рассказал полковнику только то, что хотел: я и Лена Лебедева учились в одном классе средней школы № 35, расположенной в Октябрьском районе города. После окончания школы я ее не видел, где работала – не знаю. Как оказалась в квартире в центре города и кому принадлежит эта квартира – понятия не имею.

– Я тоже где-то ее видел, – сказал Николаенко, морща лоб. – По-моему, я встречал ее в обкоме профсоюзов. Или в горкоме? Где-то там… Хорошо, Лаптев, я тебя понял. Сейчас иди к подъезду, я тут определюсь и дам вам задание.

Задание, полученное мной и группой инспекторов ОУР Центрального района, было обычным – совершить поквартирный обход дома, опросить жильцов: кто что видел, кто что слышал. Мне достался первый подъезд.

Из двадцати квартир в подъезде жильцы были только в трех. Ничего не поделать, праздник, все еще на демонстрации. В двух квартирах мне открыли дети дошкольного возраста, в третьей – низенькая, полная, аккуратно одетая старушка. Волосы ее были убраны назад полукруглым гибким гребнем. Ни в одном магазине я не видел в продаже таких гребней, но у каждой уважающей себя старушки он был.

Запах в квартире свидетельницы был отвратительнейший! Вдохнув его, я почувствовал, как желудок непроизвольно сжался в спазме, грозя выплеснуть содержимое наружу. Запах застоявшейся кошачьей мочи, перемешанный с «ароматом» жаренной на комбижире картошки и вареной салаки – это химическое оружие, такое же ядовитое, как горчичный газ иприт.

Взглянув на двух трущихся о ноги хозяйки котов, я понял, с чего надо начинать разговор.

– У меня тоже дома есть кот, – соврал я.

Старушка расплылась в улыбке. Пригласила меня на кухню. Контакт был установлен.

– Сама-то я ничего не могла видеть, у меня окна на детский сад выходят. – Старушка все порывалась напоить меня чаем, а я вежливо отказывался. – А вот двоюродная моя сестра Полина, она в доме напротив живет, она точно все видела. Она, сестра моя, целый день-деньской в окно глазеет да глупые стишки пишет. Но тебе она ничего рассказывать не станет. Она крепко на советскую власть обижена – в сталинские времена больше десяти лет по политической статье в лагере просидела.

Закончив обход подъезда, я по собственной инициативе пошел к Полине Александровне.

Бывшая узница сталинских лагерей встретила меня неласково.

– От тебя, мент, парашей пахнет, – сказала она вместо приветствия. – Это ты у сестры моей, крысы подзаборной, побывал? Признавайся, она тебя ко мне подослала?

– Полина Александровна, я пришел к вам как к специалисту, проконсультироваться.

– Чего, чего? – опешила старушка. – Ты меня ни с кем не путаешь?

– Я пришел к вам поговорить по одному конфиденциальному делу. Вы впустите меня или мы будем в дверях разговаривать? У вас соседи не любопытные? А то уже, поди, стоят под дверями, подслушивают.

Старуха неохотно разрешила мне войти.

– Полина Александровна, что означает у молодой женщины наколка в виде силуэта ящерицы?

– «Хрен догонишь, хрен возьмешь, а догонишь – хвост оставлю!» – не задумываясь сказала она.

– Вот черт, как я сам не догадался!

– Ты про наколку где-то слышал или женщину с такой татуировкой видел? Если женщину видел, то держись от нее подальше, а то обворует. – Старушке явно льстило, что я, офицер милиции, пришел к ней за советом. – И не вздумай на ней жениться, – поучала старуха, – это тебя до добра не доведет.

– Как я на ней женюсь, меня с работы за это выгонят!

– Если с работы выгонят, то все равно не женись. Теперь скажи мне, у тебя кошки дома есть?

– Полина Александровна, я живу в рабочем общежитии. Нам запрещено иметь домашних животных.

– Как выйдешь на улицу, проветри одежду, а то люди от тебя шарахаться будут. Запомни, запах кошачьей мочи – самый стойкий запах на свете. Точно тебе говорю, час у моей сестры в квартире пробудешь – все, одежку можно выбрасывать.

– Полина Александровна, давайте вернемся к наколкам. У женщины, про которую я вам говорил, на плече есть татуировка в виде розы, обвитой колючей проволокой. Над розой летает шмель. Это что может означать?

– Сколько лет этой женщине, около тридцати? – Старуха достала из кармана халата пачку «Беломорканала», вытряхнула папироску, закурила. – Роза в колючей проволоке означает, что она попала за решетку несовершеннолетней. Шмель над цветком – это надежда встретить надежного, порядочного мужчину.

– Спасибо, Полина Александровна! – Я развернулся к двери.

– Подожди! Больше ты ничего не хочешь узнать? – с ехидцей спросила она.

– Если расскажете, что видели сегодня на улице, я буду вам премного благодарен.

– Проходи на кухню, поговорим. Ты есть хочешь?

– Чаю попью, если угостите.

Пока старушка наливала мне чай и готовила бутерброды, я полистал отрывной календарь за текущий год. Говорят, что советские отрывные календари составлены так, чтобы на каждый день приходилась какая-нибудь памятная дата. Проверим. Что там завтра? О, третьего мая пятьдесят лет назад родился известный американский физик, лауреат Нобелевской премии Стивен Вайнберг! Доживу до завтра, обязательно выпью за здоровье старины Вайнберга.

– Запомни, Андрей, все, что я тебе скажу, должно остаться между нами. – Полина Александровна выставила на стол блюдце с бутербродами, пододвинула вазочку с печеньем. – Никаких записей под протокол, никаких повесток к следователю. Ты понял? Сегодня я весь день у окна просидела, подбирала рифму к слову «Забайкалье». Смотрю, к соседнему дому подъехал легковой автомобиль бордового цвета. Марку автомобиля не спрашивай, я в них не разбираюсь, но машина эта не «Запорожец» и не «Победа». Из машины вышел представительный мужчина. Высокий, стройный, в темном демисезонном пальто ниже колен. На голове кепка, как у мелкого уголовника пятидесятых годов. Пошел этот мужик через двор прямиком в подъезд дома, где сестра живет.

Я жевал тощий бутерброд с вареной колбасой и смотрел в окно. Я уже стал догадываться, кто приезжал к Лебедевой.

– Походка у этого мужика знатная! – продолжала она. – У нас так начальник колонии ходил. Идет, и ты за версту видишь, что это хозяин, а не какой-нибудь отрядный воспитатель. Только у нас хозяин пузатый был, а этот мужик, в кепке, – стройный, поджарый. Так вот, он вошел в подъезд, вышел примерно через полчаса, сел в машину и укатил. А следом за ним в этот же подъезд забежал еще один мужичок, в коричневой японской куртке с капюшоном. Знаешь такие куртки, их зимой в ЦУМе по сто двадцать рублей продавали? Вот этого парня я рассмотреть не могла, у него капюшон был на голову накинут. Этот пробыл в подъезде минут пять или десять, не больше. Потом он вышел и вот так, через двор, через аптеку ушел на проспект. А уж потом во двор вышел старик с собакой. Остальное ты, наверное, знаешь?

– Остальное знаю. Два милиционера, которые подошли к старику, – это я с напарником.

– Помяни мое слово, Андрей, мужик в кепке – это человек власти. Кстати, а что там, в доме сестры, случилось? Я в нашем дворе столько милицейских машин отродясь не видела.

– Там застрелили из пистолета молодую девушку.

– Это мужик в кепке ее убил, – безапелляционно заявила старуха. – А тот, в капюшоне, пришел к ней в гости, увидел, что она мертвая, испугался и убежал.

– Человек в капюшоне откуда появился? Он наблюдал за подъездом с детской площадки или пришел с проспекта?

– Вот это я просмотрела, – стушевалась старуха.

Попрощавшись с Полиной Александровной и заверив ее, что никто третий о нашем разговоре не узнает, я пошел докладывать о результатах работы следователю.

К семи вечера вместо изгнанного Мелкумяна к работе подключился инспектор Виктор Стадниченко. На вид ему было лет тридцать пять, среднего роста, черноглазый, смуглолицый. Подстрижен Стадниченко был очень коротко, как недавно освободившийся зэк.

– Родителям убитой сообщили о несчастье? – между делом поинтересовался он.

Члены следственно-оперативной группы переглянулись. Естественно, родственникам Лебедевой никто об убийстве ничего не сообщал. Каждый надеялся, что кто-то другой возьмет на себя эту неприятную миссию.

– Давайте Андрею Николаевичу поручим съездить к ее родителям, – предложил следователь.

– Ни за что! – отрезал я. – Что хотите со мной делайте, но к ним я не поеду и ни о чем с ними говорить не буду.

После бурного препирательства неприятную обязанность решил взять на себя следователь.

Но не успел он вызвать дежурный автомобиль, как появился Николаенко.

– Не надо никуда ехать, – заявил он. – Я уже сообщил ее родителям о трагедии.

Все с облегчением вздохнули. Воспользовавшись возникшей паузой в работе, я отпросился на ужин. Но вместо круглосуточно работающей столовой в типографии газеты «Советская Сибирь» я поехал в Октябрьский район, где жили родители Лебедевой.

Дома у Лебедевых кроме ее родителей и старшей сестры было еще человек пять-шесть родственников и знакомых. Отец и мать Лены были в состоянии прострации, так что поговорить я мог только с ее сестрой Маргаритой.

– Мне надо две фотографии Лены, – официальным, не терпящим возражений тоном заявил я.

– Пойдем, попробую что-нибудь найти. – Она повела меня в комнату, которая некогда была детской, а после того, как сестры стали жить отдельно, пустовала.

Оставшись один в комнате, где несколько лет назад произошли важнейшие события в моей жизни, я невольно помрачнел. На душе стало как-то тоскливо и сумрачно. Меня не терзали мысли типа: «Вот я сижу в ее комнате живой и

здоровый, а она уже никогда не войдет сюда и не раздернет шторы навстречу первым солнечным лучам». Нет. За время службы в милиции я почерствел душой, перестал воспринимать чужую боль как свою собственную. (Это явление в психологии называется «профессиональная деформация», или защитная реакция психики оперативного работника на чужое горе). Меня больше занимало, за что ее убили. Да, да – именно так: не кто убил, а за что.

– Выбирай. – Маргарита принесла семейный фотоальбом.

Я открыл его. На первой же фотографии были я и Лена Лебедева на крыльце нашей школы.

– Ой, это же ты! – приглядевшись, сказала Маргарита. – Обалдеть! У тебя здесь волосы до плеч, как у девчонки.

– Мода была такая, – неохотно буркнул я.

– Помню, помню такую моду. Патлы до плеч, клеши, гитары – славное было времечко!

– Послушай, Рита, – сказал я, перевернув несколько листов, – а что альбом такой растрепанный?

– У нас же обыск был сегодня.

– Обыск был? – «удивленно» переспросил я. – Уж не Николаенко ли приезжал?

– Я не помню, как его фамилия. – Маргарита сморщила носик, посмотрела на потолок. – Тяжелый такой мужчина, с квадратным подбородком, взгляд проницательный, злой.

– Что искали, не сказал?

– Ничего он не говорил. Да мы и не спрашивали, не до того было.

Из альбома я забрал всего одну фотографию, сделанную в фотоателье в прошлом году.

– Когда похороны? – спросил я, прощаясь. – В среду? Я обязательно приду. Если смогу.

Вернувшись в областное УВД, я узнал, что во время обыска в квартире у Лебедевых были изъяты только фотографии и личные записи покойной. Никаких улик, которые бы смогли прояснить мотивы ее убийства, обнаружено не было.

Уже ночью, опустошенный морально и физически, я в кабинете Стадниченко составил в рядок стулья, сунул вместо подушки под голову чью-то поношенную шинель и уснул.

Глава 7

Лебедева

Лена Лебедева начала учиться с нами с седьмого класса. Ее первое появление в классе, да что там в классе – во всей школе, вызвало нездоровый ажиотаж. Еще бы, до нее никто даже представить не мог, что у человека на одной руке могут быть не пять, а шесть пальцев!

Не знаю, как она училась в предыдущей школе, но наш класс ее появление воспринял в штыки.

«Дефективная какая-то», – перешептывались за ее спиной девчонки.

«Уродина, с ней стоять рядом противно!» – вторили пацаны.

Шестилапая – такую кличку получила Лебедева от одноклассников.

Даже учителя относились к ней настороженно. Еще бы! Если всмотреться в шестипалую руку, то становится как-то не по себе. Людей с привычными всем физическими недостатками – одноруких, на костылях, горбатых – общество научилось воспринимать нейтрально. Нет у человека руки, ну и бог с ним! После войны вон сколько одноруких было! А вот к людям с необычными физическими

изъянами, например, к карликам, общество всегда настроено отрицательно. Ни один карлик никогда не учился в обычной средней школе – сверстники затравят, жить спокойно не дадут. Для карлика с самого рождения одна дорога – в циркачи.

Скажу честно, в первые дни, когда я смотрел на ее левую руку, у меня мурашки по спине ползли. Жутко это, когда у человека, как у какого-то мутанта, рука выглядит как грабли.

Лена Лебедева, если не присматриваться к руке, выглядела как все девочки в ее возрасте: угловатая, с острыми коленками, тоненькими ножками и едва намечающейся грудью. Физический недостаток закалил ее характер. Она стойко воспринимала все насмешки, не плакала и не забивалась в угол, когда ребятня дразнила ее: «У-у, шестилапое чудовище!»

Примерно в конце сентября, когда мы учились со второй смены, перед занятиями наш класс отправили наводить порядок на школьном дворе.
Я работал рядом с Лебедевой. У кучи опавших листьев она нашла хромого бездомного котенка, взяла его на руки, погладила.

– Что, кыска, у тебя тоже лапка болит? – Она поцеловала котенка в мордочку, прижала к себе.

Я, не шелохнувшись, стоял и смотрел, как она что-то шепчет котенку. В душе у меня закипала ненависть к тем, кто безжалостно травил Лебедеву. Что она такого вам всем сделала, родилась не такая, как все? А если бы я родился шестипалым, то что, об меня бы все ноги вытирали?

«Издеваться над слабым – это условность, предписанная подростковому миру окружающим обществом: если хочешь оставаться таким, как все, если хочешь, чтобы твои недостатки никто не обсуждал и не замечал – гноби любого, кто слабее тебя! Будь в стае, не отрывайся от коллектива».

– Заканчиваем уборку, сдаем инвентарь и идем на занятия! – скомандовала, покидая нас, учительница.

«Я – враг условностей. Я ненавижу условности. Я лично в четырнадцать лет придумал определение условности и с тех пор считаю себя взрослым человеком.

Я плевал и буду плевать на моральные устои общества, с которыми не согласен. Рано или поздно я должен стряхнуть с себя эти проклятые оковы. Сейчас, что ли, начать, пока у меня в душе все кипит? Вдруг потом не решусь?»

– Эй, ты, Шестилапая, – крикнул Лебедевой разбитной паренек Сергей Сомов, – брось кошку, а то блох нахватаешься! Будут потом по всему классу скакать!

Пора! Я подскочил к Сомову, схватил его за грудки:

– Ты, падла, если еще раз назовешь ее Шестилапой, я тебе прямо тут морду разобью!

– Ты что, Андрюха, взбесился, что ли? – Сомов попытался оттолкнуть меня, но не смог.

Стоящие рядом пацаны разняли нас, не дали перерасти мелкой стычке в настоящую драку.

В классе, до начала занятий, я велел Лебедевой садиться за одну парту со мной.

– Лена, – сказал я так, чтобы все слышали, – если тебя кто-то еще будет обзывать, скажи мне, я разберусь.

Класс встретил это заявление гробовым молчанием.

На перемене ко мне подошли дворовые дружки из разных классов.

– Андрюха, ты что, решил из-за Шестилапой со всей школой на ножи встать? – удивленно спросили они.

– Плевал я на вашу школу! Если кто ее тронет, я тому без базара в рыло дам!

По законам дворового братства все пацаны, жившие со мной в одном дворе, в любом конфликте обязаны были принять мою сторону. Их, конечно, подивило, что я решил заступаться за Лебедеву, но что поделать! Законы улицы для любого парня главнее всех законов на свете.

После уроков двое девятиклассников отозвали меня поговорить. Разговор не получился, и я вызвал их навести разборки толпа на толпу.

Пока я общался со старшеклассниками, Лебедева покорно дожидалась меня в фойе школы.

– О чем вы говорили? – встревоженно спросила она.

– Лена, я сказал им, что ты моя девушка. Теперь, по уличным законам, любой, кто обидит тебя, будет считаться моим врагом.

– Андрей, – испуганно сжалась она, – по каким законам я стала твоей девушкой?

– Мать его. – Я с досады сплюнул на свежевымытый, еще влажный пол. – Ты откуда приехала? У вас там что, на улице, по законам советской пионерии живут?

– Я не знаю, как там живут, – робко возразила она. – Я на улице мало была, сам понимаешь.

Она показала мне свою уродливую руку, которая показалась мне не такой уж ужасной.

Поздним вечером на пустыре за школьной теплицей встретились две группы разновозрастных подростков: с моей стороны человек десять, противников было раза в полтора больше. Арбитром в конфликте выступил Чигрик, самый авторитетный парень в нашем микрорайоне.

– Лапоть прав! – сказал он, выслушав взаимные претензии сторон. – Если Шестилапая – это его чувиха, то все претензии к ней вы вначале должны обратить к нему. Но в то же время Лапоть не прав. По нашим законам, вначале он должен всем объявить, что она его чувиха, а уж потом впрягаться за нее.

– Да по фигу нам его шестилапая баба! – загалдели враги. – Пусть хоть женится на ней! Но если он вызвал нас на разборки, то по закону должен подраться с кем-нибудь один на один. Чигрик, мы что, в натуре, зря здесь собрались? Пусть дерется, сволочь!

Драться против меня враги выставили самого опытного бойца, который в два счета расквасил мне физиономию. В школу на другой день я пришел с разбитыми губами и синяком под глазом.

– Лена, – шепотом объяснял я соседке по парте сложившуюся ситуацию, – я сделал все что мог, но кличка у тебя останется.

– Ты думаешь, я буду переживать из-за этого? – так же шепотом ответила она. – Смотри!

Она нарисовала на последнем листе в тетради шестиногое животное, похожее на муравьеда, и подписала: «Это – я, Лена Л.».

Вечером мы вдвоем гуляли по микрорайону.

– Андрей, – спросила она, – а теперь, когда я стала твоей девушкой, мне что, придется с тобой целоваться?

О поцелуях я как-то не задумывался, но сама постановка вопроса мне понравилась.

Так началась наша странная дружба.

Ближе к Новому году в школе между старшеклассниками и заезжими пэтэушниками произошла массовая драка с применением цепей и самодельных кастетов. Трех учеников арестовали, два десятка пацанов провели ночь в райотделе. На фоне таких бурных событий Лебедева с ее анатомическими особенностями стала для общества неинтересной. Прошло еще немного времени, и про шесть пальцев на руке у Лены все забыли. Кличка, правда, осталась.

С полноправным вхождением Лебедевой в школьный коллектив наши отношения как-то сами собой стали угасать. Слишком разные люди мы были: она – тихая домашняя девочка, а я – уличный гуляка, не представляющий жизнь без веселых развлечений и захватывающих дух приключений. День шел за днем, и мы стали жить каждый своей жизнью.

После восьмого класса я и Лена стали учиться в разных классах, виделись только на переменах, а вне школы практически не встречались. До меня, конечно же, доходили слухи, что она флиртует то с одним, то с другим, но я ее личной жизнью не интересовался и планов на совместное будущее не строил.

Еще за год до окончания средней школы я твердо решил, что буду поступать в высшую школу милиции. Родители были категорически против, они считали, что мне лучше поступить в техникум и овладеть рабочей профессией, чем связывать свою судьбу с работой в уголовном розыске. Но я был непреклонен. Школа милиции была для меня единственной возможностью избавиться от родительской опеки и в одночасье стать самодостаточным взрослым человеком. Совершенно самостоятельно, без всякого блата, я прошел кадровый отбор в областном УВД и был зачислен кандидатом на поступление в Омскую высшую школу милиции. Оставалось сдать выпускные экзамены в обычной школе.

На подготовку к экзаменам я бросил все силы: день и ночь сидел над учебниками, забыл, что на свете существуют портвейн «Агдам», друзья, дискотеки и шумные дни рождения. В это время я не то что Лебедеву, я вообще никого вокруг себя не видел.

«Прозрел» я только на выпускном вечере.

В тот день Лебедева была необычайно хороша. Она сама подошла ко мне, и так получилось, что мы вдвоем ускользнули из школьной столовой, где проходила вечеринка, и до самого утра гуляли по городу. Восход солнца мы встретили на берегу реки, в городском парке. Еще ночью я решил, что с первыми лучами солнца признаюсь ей в любви. Это будет так романтично: солнце восходит, я целую ее и говорю: «Лена, я люблю тебя!» Но солнце взошло, а я так и не решился раскрыть ей свои внезапно вспыхнувшие чувства.

На короткий период времени, до моего отъезда в Омск, наши отношения возобновились. Тем летом я был уверен, что люблю ее, и всегда любил, с тех самых пор, как ради нее противопоставил себя всей школе. Любила ли она меня? Не знаю. Говорила, что любит, но говорить-то ведь можно все, что угодно. В день моего отъезда Лена плакала и обещала ждать. Сцена прощания напоминала проводы в армию и оставила у меня на душе тягостное впечатление.

Но, получив в Омске первое письмо от нее, я воспрянул духом: она меня любит и все у нас будет хорошо.

Мы переписывались целый год. Вначале она писала каждую неделю, потом все реже и реже. Постепенно из ее писем исчезли упоминания о нашей любви. Но я не отчаивался. Мне казалось, что если я ее люблю, то стоит нам встретиться, и наши чувства вспыхнут с новой силой. Потом, через год или через два, я осознал, что на первом курсе был влюблен не в Лену Лебедеву, а в некую выдуманную мной абстрактную девушку, наделенную всеми добродетелями на свете.

После окончания первого курса я приехал домой на каникулы, встретил Лебедеву и остался у нее до утра. Это была самая счастливая ночь в моей жизни: я впервые познал женщину и был на седьмом небе от переполнявших меня чувств. Лена отнеслась к нашей близости более чем спокойно.

Наутро она, в халате, накинутом на голое тело, стояла у трельяжа в прихожей, расчесывала волосы. Я сидел рядом на детском стульчике, зашнуровывал туфли.

– Андрей, скажи, это было у тебя в первый раз? – спросила она.

Я промолчал, не зная, что ответить.

– Ничего, потом научишься, – сказав фразу, унизительнее которой невозможно придумать, она даже не обернулась и не посмотрела, какое впечатление на меня произвело ее мимоходом оброненное признание в давней и активной половой жизни.

Еще не понимая, что произошло, я вышел от Лебедевой и до вечера бесцельно бродил по городу. Я чувствовал себя никому не нужным человеком, навсегда отброшенным на обочину жизни. Мои мысли путались, вернее, ходили по кругу: я то намеревался вернуться и убить ее, то подумывал, не покончить ли мне жизнь самоубийством. Так ничего и не решив, я пошел домой.

А дома меня ждал скандал с родителями.

– Ты где всю ночь шлялся? – билась в истерике мать. – Я все морги обзвонила, все больницы. Ты где целые сутки был?

Нападение требует обороны.

– Странно, мама, ты спрашиваешь, где я был целые сутки, а не хочешь ли ты узнать, где я был целый год? Что же такого могло случиться прошлой ночью, что надо было все морги обзванивать?

– Как ты смеешь так разговаривать с матерью! – накинулся на меня отец.

Я не стал никого выслушивать, собрал вещи и уехал обратно в школу.

– Быстро же ты вернулся! – с улыбкой встретил меня начальник курса. – Скажи, Лаптев, тебя что, из дома выгнали?

– Сам уехал. Здесь веселее, – мрачно ответил я.

– Ну если каникулы у тебя закончились, то завтра заступаешь в наряд по кухне.

Да что мне какой-то наряд по кухне! Я, чтобы забыться, даже на войну бы с радостью поехал, а тут всего-то сутки картошку чистить да котлы от жира отмывать.

Видя мое понурое состояние, замполит курса выписал мне пять увольнительных записок с открытой датой. Увольнительная с открытой датой – это подарок невиданной щедрости, это официальное разрешение самостоятельно проставить время убытия из школы и время окончания увольнения.

В нарядах по кухне и караулах я сдружился со старшекурсниками, по различным причинам оставшимися на каникулы в школе. Один из них, Санек Воронов, познакомил меня со студентками мединститута, те – со своими подругами, а там пошло и поехало! К концу второго курса я из романтического влюбчивого паренька превратился, по мнению знакомых девушек, в «самоуверенного нахала». Так что зря Лена Лебедева так пренебрежительно отзывалась обо мне как о мужчине. Опыт – дело наживное.

Перед окончанием школы у нас была трехмесячная практика. Проходил я ее в должности инспектора уголовного розыска Октябрьского РОВД. За время практики я объехал все райотделы в городе и всем начальникам РОВД

предложил свою кандидатуру в качестве будущего работника. Единственное условие, выдвигаемое мной, было отдельное жилье. Жить после окончания школы с родителями я не собирался.

Начальники райотделов милиции, узнав, что я местный житель, с сожалением разводили руками: «Рады бы тебя взять, но с жильем помочь ничем не сможем!» Вьюгин был единственный, кто согласился помочь.

– В заводское общежитие пойдешь жить? – прикуривая от импортной зажигалки «Зиппо», спросил он. – Если согласен, тогда пиши расписку, что обязуешься отработать у меня в отделе пять лет.

Я взял со стола лист бумаги, ручку и начал писать заголовок расписки, но Вьюгин остановил меня.

– Андрей, так не пойдет! Ты кровью расписку пиши. Ручкой любой написать сможет.

Я посмотрел ему в глаза и понял, что Вьюгин не шутит. Поразмыслив секунду-другую, я сказал:

– Сергей Сергеевич, давайте я напишу расписку ручкой, а подпись, если надо, поставлю кровью.

Потом я узнал, что если бы я, не задумываясь, стал колоть себе палец и мазюкать по листу кровью, то Вьюгин бы выгнал меня и больше никогда бы не имел со мной дела. Дураки, они ведь никому не нужны.

В сентябре я получил ключи от комнаты в общежитии хлебокомбината. Лебедеву после нашей единственной ночи любви я больше не видел, судьбой ее не интересовался. Я навсегда вычеркнул ее из числа моих знакомых. Письма ее сжег, фотографии разорвал на мелкие клочки и выбросил в реку Иртыш, чтобы и они, и она навсегда уплыли из моей жизни.

Глава 8

Организация

Самое главное после дежурства – это вовремя уйти домой. Как учил дедушка Ленин: «Промедление – смерти подобно!» Стоит после дежурства попасться на глаза начальству, как для тебя тут же найдется срочная работа. Всякие глупые отговорки, вроде: «Я ночь не спал, с ног валюсь от усталости!» – в расчет не принимаются. Работа – прежде всего! Отдохнешь потом.

В переводе с многоликого эзопова языка слово «потом» означает: в отпуске; на пенсии; в могиле.

Умудренный опытом работы в райотделе, я ускользнул из областного УВД, как только часы показали девять утра. В десять я уже был в общежитии. Переоделся, принял душ, поел на заводе и… лег спать. Казалось бы, на второе мая у меня столько неотложных дел: понять, кто и за что убил Лебедеву, выяснить отношения с Калмыковой, охмурить практикантку, постирать кое-что из вещей, – но я лег спать. Утро вечера мудренее.

«Утро» для меня наступило после обеда. Но и тут я не спешил. Съездил в столовую, купил в магазине продуктов на вечер и только после этого сел за работу.

Труп Лебедевой и фотография, похищенная мной на месте происшествия, – что из них вторично, а что изначально? Что было раньше: курица или яйцо? Если яйцо – то какая курица его снесла?

Вначале было место, где из яйца вылупился цыпленок. Вначале была квартира.

Как выяснил следователь, квартиру со всей обстановкой Лебедева сняла неделю назад у семьи, уехавшей в длительную командировку на север. Квартира, на мой взгляд, не жилая, а предназначена для коротких встреч, деловых или интимных. В данной квартире отсутствуют холодильник, телевизор, стиральная машина, магнитофон или магнитола. Жить в такой квартире скучно и непрактично. А вот встречаться с любовником – в самый раз.

Теперь о трупе. Поза Лебедевой свидетельствует, что она шла или бежала в дальнюю комнату, спальню. Скрыться от убийцы с пистолетом за дверью без

защелки нереально, но если нет другого выхода, то побежишь.

Я нарисовал схему квартиры, особо отметив расположение всех дверей, журнальный столик, кресло около него, диван и труп. Тело Лебедевой лежало параллельно прямой, проходящей от входной двери к дверям спальни. Тут сомнений нет. Стреляли по ней из коридора. Кто стрелял? Или мужчина в кепке, или парень в капюшоне.

Начнем с мужчины. По материалам опросов свидетелей, мужчина приехал во двор на автомобиле «ВАЗ-2105» бордового цвета. Был он одет так, как мне описала Полина Александровна. Курил мужчина, судя по окуркам в пепельнице, сигареты «Родопи». Прикуривал от зажигалки. Приметы, скажем прямо, так себе. Единственная серьезная зацепка – автомобиль. Но в городе и области сотни таких автомобилей. Устанавливать, кто их владельцы и что они делали первого мая, – задача трудновыполнимая.

Но была одна примета, которую метко подметила Полина Александровна, – это походка мужчины в кепке. Если свести вместе все приметы и манеру вышагивать властно, неспешно, с достоинством, то получится портрет Вьюгина Сергея Сергеевича, начальника Заводского РОВД.

Мог Вьюгин в разгар демонстрации бросить вверенный ему райотдел и уехать по личным делам? Мог. По территории нашего района не проходили праздничные колонны трудящихся, и в этом вся суть. Эксцессов, связанных с демонстрацией, Вьюгин мог не опасаться.

Мало того, до окончания праздничного шествия наш район был самым спокойным в городе: все порядочные граждане ушли на демонстрацию, а все ворье и хулиганье отсыпалось после субботней попойки. Преступления совершать было некому.

Примерно в десять утра, проверив наряды, Вьюгин мог выдумать срочный вызов в областное УВД и укатить на личном автомобиле к Лебедевой.

Приехав на встречу, он поставил машину у соседнего дома, спокойно, ни от кого не скрывая своего лица, пересек двор и вошел в подъезд. Он явно не боялся, что его могут впоследствии опознать любопытные граждане, глазеющие от нечего делать во двор. Почему он не принял мер маскировки? Он был уверен в

благополучном исходе встречи.

Но что-то пошло не так. За полчаса, проведенных в квартире Лебедевой, Вьюгин выкурил три сигареты. Он нервничал. Лебедева, судя по окуркам, также была возбуждена. Диалог у них, как видно, не клеился. На чем они расстались, неизвестно. Но то, что Вьюгин пошел к двери, – это точно.

Дальше одни предположения.

Первое. Вьюгин вышел на лестничную клетку, решил, что Лебедева представляет для него угрозу, которую необходимо ликвидировать. Он постоял, прислушался. Все тихо. Все на демонстрации, а кто остался дома – у того работает телевизор. Все смотрят в прямом эфире, как краснознаменные колонны кричат «Ура!» на площади Советов. Убедившись в безопасности, Вьюгин достал пистолет, передернул затвор, дослал патрон в патронник. Позвонил в дверь. Лебедева открыла, увидела в его руках оружие, поняла, что это конец, и бросилась бежать куда глаза глядят. Вьюгин выстрелил ей в спину. Прошел в зал. Добил ее выстрелом в голову.

Я прислушался. В общаге была тишина. Синусоида разгульной жизни, как я и предсказывал, днем второго мая была на нуле. Завтра всем на работу, а сейчас все сидят по своим комнатам: или опохмеляются, или отсыпаются.

Теперь второй вариант: если убийство совершил мужчина в куртке с капюшоном.

Здесь все то же самое, только действие начинается с отъезда Вьюгина.

Подводные камни: человек в капюшоне может вообще не иметь отношения к убийству. Он мог зайти в подъезд справить малую нужду или проведать знакомого, которого не оказалось дома.

Я заварил крепкого чая в кружке, закурил, достал из кителя фотографию.

Фотография была отпечатана на листе глянцевой бумаги размером девять на двенадцать сантиметров. Изображение черно-белое. В центре фотографии, заполняя собой практически весь фотоснимок, стояли женщина и двое мужчин. Женщина была Лебедева. Правый мужчина – Николаенко, левого мужика я не

знал. И мужчины, и женщина были обнаженными. Из одежды на Лебедевой были только белые чулки и фата, откинутая назад. У мужчин гардероб был еще скромнее – только галстуки-бабочки на шее. Лебедева стояла, опустив руки вниз, прикрывая ладонями «причинные места» у мужчин. Николаенко стоял, выставив одну ногу вперед. Левой рукой он обнимал Лебедеву за талию, в правой руке держал бокал с шампанским (светлая жидкость в бокале – наверняка не яблочный сок и не бесцветная водка). Мужчина слева одну руку положил Лебедевой на плечо, в свободной руке держал дымящуюся сигарету. Все трое весело улыбались в объектив.

За их спинами был накрыт стол, на котором просматривались ваза с фруктами, фужеры, открытая бутылка «Советского шампанского» и бутылка коньяка.
На стене за «невестой» висел плакат с пожеланием «Совет да любовь!». Перед словом «совет» и после слова «любовь» были нарисованы белые голуби.

Судя по всему, на фотографии запечатлена свадьба. Где происходят события, не понять, слишком небольшой фрагмент интерьера попал в объектив.

Я достал фотографию Лебедевой, полученную вчера от ее сестры. Сравнил. Судя по лицу Лены, «свадьба» предшествовала ее одиночному фото. На последней фотографии Лебедева выглядела немного старше и более уставшей.
На «свадебном» фото она была молода, свежа, беспечна. Не удивлюсь, если эта «свадьба» проходила в тот год, когда я расстался с ней.

Примечательно, что и я, и Лебедева не считали голубей символом мира и любви. Голубь – это самая бесцеремонная, неопрятная и заразная птица на свете. Городские голуби, которых так любят подкармливать сердобольные старушки, – это птицы-дармоеды, давно разучившиеся самостоятельно добывать пищу. Сбившиеся в огромные стаи голуби способны за короткий период времени загадить любую улицу, любую площадь. Если бы на моей свадьбе кто-то посмел повесить плакат с голубем, то я бы расценил это как издевательство, ибо в моем понятии голубь – это символ лицемерия.

Лебедева на фотографии улыбалась. Видать, ее мнения о голубях не спрашивали.

Итак, какие выводы можно сделать на основании осмотра фотографии?

Вывод первый: на фотографии запечатлено мероприятие, на котором присутствуют как минимум четыре человека: трое в кадре плюс фотограф.

Вывод второй: к мероприятию готовились, а значит, на нем обязательно присутствовали гости.

Вывод третий: группа людей, которая вполне серьезно собирается отмечать свадьбу одной женщины с двумя мужчинами, – это объединение единомышленников или организация. По всем советским меркам – организация нелегальная.

Что такое нелегальные организации и как с ними борются, я знал.

В самом начале третьего курса школы милиции меня пригласил к себе начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности полковник Кухаренко Петр Ефимович.

– Андрей Николаевич, я предлагаю вам заняться под моим руководством серьезной научной работой, – сказал он.

После обращения «Андрей Николаевич» у меня колыхнулся пол под ногами. Невиданное дело, чтобы начальник ведущей кафедры называл курсанта по имени-отчеству!

– Я давно наблюдаю за вами, Андрей Николаевич, – продолжал Кухаренко, – и считаю, что у вас аналитический склад ума и похвальная работоспособность. Я думаю, вы справитесь с этой нелегкой и ответственной задачей.

Я почувствовал, как после похвалы Петра Ефимовича у меня распрямились плечи, подбородок горделиво задрался кверху. Что за разговор, справлюсь ли я с какой-то научной работой? Да я, окрыленный оказанным доверием, готов в одиночку прорыть канал по отводу сибирских рек в Среднюю Азию!

– Все материалы по научной работе будут иметь гриф «секретно», а некоторые, касающиеся агентурной работы, – «совершенно секретно». Работать вам придется или в спецбиблиотеке, или у меня на кафедре.

– Разрешите узнать тему научной работы? – спросил я.

– Тема очень сложная, но интересная: «Оперативно-разыскные и агентурные мероприятия, проведенные в ходе разработки и ликвидации преступной группы под руководством Лысого Дьякона». Не слышали о таком? Познакомитесь. Заочно.

Преступная группа, возглавляемая человеком по кличке Лысый Дьякон, состояла более чем из ста участников, проживающих в различных городах СССР. Все члены группы были гомосексуалистами. Никаких других преступлений, кроме мужеложства в отношении друг друга, они не совершали. Сплоченность членов группы была высочайшая, уровень конспирации не уступал подпольным ячейкам российских революционеров начала века. К слову сказать, в силу специфической преступной деятельности разработка группы была делом нелегким. Так, до самого момента ликвидации этого сообщества содомитов к ним не удалось внедрить агента-установщика. Ни один порядочный человек не соглашался во имя общего дела рисковать своей половой неприкосновенностью.

Усомнившись в актуальности темы научной работы, я пришел за советом к Кухаренко.

– Это очень хорошо, что у вас появились вопросы относительно степени общественной опасности «группы Лысого Дьякона». – Петр Ефимович усадил меня за свой стол, а сам стал расхаживать по кабинету. – Действительно, данная преступная группа не совершала убийств, краж или разбоев. Члены ее были уважаемыми в обществе людьми: преподавателями институтов, студентами, юристами, инженерами. Преступления, совершаемые членами группы, хоть и мерзкие по своей сущности, но довольно безобидные. Казалось бы, зачем на разоблачение каких-то извращенцев МВД СССР бросило огромные силы и средства? Сопоставим ли труд десятков оперативных работников с полученным результатом?

Кухаренко остановился посреди кабинета, замер на секунду и продолжил, эмоционально ткнув в меня пальцем:

– Вся суть – в организации! Лысому Дьякону удалось создать разветвленную подпольную организацию, в которой соблюдались все доступные меры конспирации и контрразведки. А что такое подпольная организация и в чем ее

опасность для общества? Рассмотрим на вымышленном примере. Итак, предположим, в нашей стране под страхом уголовного наказания запрещено собирать и изучать навозных жуков. Но мы с вами, Андрей Николаевич, страстные поклонники этих жуков. Тайно, под вымышленными предлогами, мы с вами выезжаем на свалки, собираем жуков, сортируем их и засушиваем. Постепенно мы вовлекаем в свою деятельность все новых и новых участников. Они обеспечивают нам прикрытие, тайно перевозят жуков из города в город, достают нам микроскопы и специальную литературу. Казалось бы, чем мы опасны для государства и существующего общественно-политического строя? А вот чем: в один «прекрасный» день я говорю: «Андрей Николаевич, давайте взорвем автомобиль начальника нашей школы! После его смерти начальником школы стану я, а вы займете мое место». Как вам такой поворот нашей «безобидной» деятельности? А у нас ведь целая организация за спиной. Мы все повязаны круговой порукой. Любому из нас наш самый гуманный на свете советский суд, не задумываясь, по пятерочке отвесит, чтобы у других граждан ручонки к жукам не тянулись. Нашим сообщникам нечего терять – они уже преступники. Мы дадим им команду «Фас!», и они, не задумываясь, устроят в школе кровавую баню.

История знает много примеров, когда ничтожно малая группа людей сметала со своего пути целые государства и эпохи. Рассмотрим это на конкретных исторических фактах.

В 1919 году Адольф Гитлер вступил в национал-социалистическую рабочую партию Германии и получил членский билет под номером семь. Семь! То есть до его прихода в партии было всего шесть человек. Пройдет немного времени, и Гитлер захватит власть в Германии и развяжет самую кровопролитную войну в истории человечества. А ведь организацию Адольфа Гитлера мюнхенская полиция не считала опасной. Подумаешь, собралась в пивной кучка болтунов поговорить о политике! Что в этом криминального? А криминальным в гитлеровской партии была ее способность вести подпольную борьбу, способность увлекать за собой массы, способность мутировать и добиваться победы любым путем.

Теперь примеры из религиозной жизни. Что такое христианство и ислам по своей изначальной природе? Это мелкие малочисленные секты, отколовшиеся от иудаизма. В «организации» Иисуса Христа было всего двенадцать последователей, а пророка Мухаммеда поддерживали только члены его семьи. Прошло время, и христианство и ислам стали ведущими мировыми религиями.

И, наконец, пример из нашей истории. Владимир Ильич Ленин – руководитель небольшой подпольной организации под названием РСДРП. Ленину удалось не просто совершить революцию – он открыл человечеству путь в новую общественно-историческую формацию – коммунизм.

Теперь вернемся к Лысому Дьякону и сравним его с Гитлером. В чем отличие возглавляемых ими организаций? Да ни в чем. Только в поставленных целях и задачах. Гитлер стремился к мировому господству, а Лысый Дьякон – к удовлетворению своей противоестественной похоти.

Кухаренко замолчал, обдумывая сказанное, а я вставил свое мнение:

– Как я понимаю, Петр Ефимович, в любой подпольной организации огромное значение имеет личность ее лидера. Сегодня вожак организации руководит сбором навозных жуков, а завтра может поднять единомышленников на свержение существующего государственного строя.

– Совершенно верно, Андрей Николаевич! Опасность любой подпольной организации не только в ее оппозиции обществу и государству, а главным образом в ее непредсказуемости.

По коридору общежития, выведя меня из задумчивости, прошли, матерясь через слово, опохмелившиеся мужики.

«Кто у них лидер? – подумал я. – Николаенко? Вряд ли. Истинный руководитель не полезет в кадр, он останется в стороне, среди зрителей».

Я отпил остывшего чаю, открыл форточку, чтобы проветрить комнату от табачного дыма.

Итак, Лебедева состояла в нелегальной организации, в которой проводятся предосудительные с точки зрения социалистической морали мероприятия. Разврат в любой степени между взрослыми людьми преступлением по нашим законам не является. Но если о любом участнике этой «свадьбы» станет известно в партийных органах, то реакция будет предсказуемо жесткой: из партии исключат, с руководящих постов с позором выгонят.

Но кроме работы и карьеры у каждого человека есть родственники: жены, родители, дети, бабушки с дедушками. Представляю, какая будет реакция у жены Николаенко, когда она увидит его в роли «жениха». А что бы сказали родители Лебедевой? Вряд ли бы похвалили ее за такой прогрессивный подход к замужеству.

Я еще раз посмотрел на фотографию. Уязвимая, однако, у них организация. А может быть, наоборот, настолько сильная, что они не боятся документировать свои оргии. Что касается меня, то я, опасаясь разоблачения, ни за что бы не вступил в такую шайку. А вот если бы довелось анонимно посмотреть, чем закончится «бракосочетание», – тут я обеими руками «за»! Я же не лицемер, не ханжа и не пуританин. Мне все интересно.

Осторожный стук в дверь прервал мои мысли. Автоматически, еще не успев ни о чем подумать, я спрятал фотографию под клеенку на столе и только тогда открыл дверь.

На пороге, скромно потупив глаза, стояла Галька-парикмахерша, одетая в стиле «минимализм»: комнатные тапочки, черные шелковые плавки и майка, едва прикрывающая низ живота. Бюстгальтера под майкой не было.

– Как прикажешь тебя понимать? – спросил я, впуская ее в комнату.

– Андрей Николаевич, – от парикмахерши несло алкоголем, но пьяной она не была, – я проспорила девчонкам одно желание. Мне надо вас поцеловать.

– А потом? – заинтересованно спросил я. – Потом ты пойдешь докладывать, что исполнила желание, или останешься у меня до утра?

– Про то, чтобы остаться, – замялась она, – про это, ну про это ничего не было.

– Галя, ты в другой раз спорь сразу же на весь расклад. А то как-то несерьезно получается: ни то ни се, ни в кровать, ни под венец.

– Я же не хотела. Так получилось, – не поднимая глаз, сказала она.

– Галя, ты запомни на будущее: если ко мне еще раз кто-нибудь голый придет, я ведь не поленюсь, вызову наряд и упрячу за мелкое хулиганство на пятнадцать суток. Понятно?

– Понятно, – сказала она и шагнула ко мне.

Сам того не желая, я обнял ее, поцеловал в губы и выпроводил за дверь.

«Представляю, какой был бы конфуз, если бы у меня сейчас в комнате Лариска сидела. Что бы я ей объяснял? «Дорогая, ты не подумай ничего такого! У нас обычно девушки без юбки по общаге не ходят». – Я посмотрел на дверь. – У парикмахерши стройные красивые ноги, миловидное лицо, но мне она совсем не симпатична. Не в моем вкусе, как говорится».

В коридоре, со стороны лестничной клетки, раздался дружный девичий хохот. С противоположной стороны послышались приближающиеся мужские шаги. В дверь постучались. Я открыл. Шамиль.

– Андрей Николаевич, – он шагнул в комнату, прикрыл за собой дверь, – я дико извиняюсь! Займи, пожалуйста, десятку до аванса.

– На бутылку не хватает? – с пониманием спросил я.

– Конечно! – Он спрятал поданный мной червонец в кармашек трико. – Сейчас быстренько смотаюсь до таксистов, у них всегда есть.

Со стороны лестницы донесся веселый шум.

– Андрей Николаевич, а ты, часом, не знаешь, чего это наши девки так угорают?

– Знаю. Сейчас им Галька-парикмахерша рассказывает, как она ко мне в одних плавках целоваться пришла.

Шамиль замер с открытым ртом. Сколько он ни пытался добиться от парикмахерши близости, ничего не получалось. Она демонстративно отвергала все его поползновения.

– Шамиль, не смотри так на меня. На ней еще майка была надета. И тапочки, комнатные.

– Майка и тапочки?! Обалдеть! Клянусь, если бы я был на твоем месте, я бы ее ни за что не отпустил.

Я развел руками: мол, ничем тебе помочь не могу!

Оставшись один, я достал фотографию, еще раз внимательно изучил ее и порвал на мелкие кусочки. Оставлять у себя такой компрометирующий материал опасно. Тот же Николаенко наверняка предпримет все меры, чтобы фотография вернулась к нему и не стала объектом шантажа. А за Николаенко стоит организация решительных людей, считающих половую распущенность нормой жизни.

Смысловая сущность фотографии мне ясна и понятна. Двое участников оргии мне известны, а третьего мужика я хорошо запомнил и при встрече легко узнаю его. Антураж фотографии особого интереса не представляет. Назначение фотографии как материального носителя информации мне также понятно: фотография – это своеобразная клятва участников «свадьбы» верой и правдой служить интересам организации, устраивающей такие мероприятия. Фотосессия на «свадьбе» – это одно из звеньев круговой поруки. Не знаю, как для Лебедевой, а для Николаенко согласиться на фотосъемку в голом виде – это очень серьезный поступок.

На улице стемнело. Я включил свет и в первый раз за все время жизни в общежитии подумал, что у меня на окне нет штор, одного из элементов тайны личной жизни.

«Фотографии с убийственным компроматом не могут храниться где попало, – размышлял я. – Будь я руководителем этой нелегальной организации, я бы хранил их в надежном месте, под замком. Та фотография, что оказалась у меня, наверняка была похищена. Интересно, ведут они ее поиск или еще ничего не знают о краже?»

Из имеющихся продуктов я соорудил нехитрый ужин, достал из заначки початую бутылку водки, хлопнул сто грамм за упокой души бывшей подруги. Посидел, повспоминал школьные годы, погрустил.

«Скучна и безрадостна наша жизнь! Не хватает в ней ярких сочных событий, движения, перемен. Отчего вся общага пьет третий день подряд? Да потому что, кроме пьянки, нет в нашей жизни никаких развлечений. А если развлечений нет, то их надо самому выдумать. Отправили ко мне Гальку в полураздетом виде – вот тебе представление на уровне гастролей Большого театра. Разбили стекло в туалете – тоже здорово, будет что вспомнить! А так – серость одна. Скучные, нудные будни. Одни условности. И кому-то эти будни наскучили, он собрал вокруг себя единомышленников и организовал рискованное мероприятие с участием голых действующих лиц. По сути дела, все участники свадьбы мне близки по духу презрения к условностям. Я и они – одного поля ягоды. Только они осмеливаются демонстрировать свое наплевательское отношение к общепринятым нормам морали, а я предпочитаю жить, не высовывая головы. Все вокруг меня предпочитают жить, не высовывая головы, соблюдая предписанные условности и лицемеря на каждом шагу. Ведь что такое лицемерие? Это посмотреть на фотографию ?свадьбы? Лебедевой и воскликнуть: ?Какая мерзость!? – а в душе восхититься: ?Везет же людям!?»

Уже засыпая, когда мысли путаются и перескакивают с одного на другое, я подумал, что когда стану старым и немощным, то ведь буду Гальку в плавках вспоминать, а не комсомольские собрания в школе милиции. А уж Ленке-то было что вспомнить – о-го-го!

Глава 9

Морг

Утром, после развода, меня и Зыбина вызвал к себе начальник райотдела.

– Областное управление запросило от нас одного человека в группу по раскрытию убийства гражданки Лебедевой. – Вьюгин выудил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой. – Я решил, что мы направим к ним Лаптева.

Идя к начальнику, я морально приготовился к различному развитию событий. Услышав, что мне вновь придется заняться делом Лебедевой, я, стараясь сохранить безразличное выражение лица, согласно кивнул. Мол, понятно. Я –

самый молодой в уголовном розыске. Участь моя – быть на побегушках у ожиревших инспекторов областного УВД.

– Не скрою, у меня в деле Лебедевой есть свой интерес, – спокойным, ровным голосом продолжил Вьюгин.

Чтобы не выглядеть как молодой отец, встретивший у дверей роддома соседа с цветами, я стал рассматривать портрет Дзержинского на стене. Если Вьюгин сейчас спросит меня, какого черта я дернулся, услышав о его личной заинтересованности, я повторю заезженную песенку об однокласснице, которая мне в седьмом классе помогала уроки по математике делать.

– Моя жена и Лебедева когда-то вместе работали в областном совете профсоюзов, – разъяснил Сергей Сергеевич. – Не скажу, чтобы они были подругами, но, сами понимаете, женское любопытство!

«Как он интересно повернул! – подумал я, не спуская глаз с Железного Феликса. – Не удивлюсь, если для его жены мне придется каждый вечер справки о проделанной работе писать».

– Ты, Андрей, по мере развития событий держи меня в курсе расследования. Подробностей мне никаких не надо. Так, в общих чертах: какие рабочие версии, кто подозреваемый.

– Я все понял, Сергей Сергеевич. Как только появится что-то новое, я приду к вам с докладом.

От Вьюгина мы вернулись к Зыбину.

– Вот что я тебе скажу, Лаптев, – мой начальник был мрачен, словно Вьюгин только что диагностировал у него застарелый простатит, – не нравится мне эта история! Ох, как не нравится!

После его слов планета Земля слегка замедлила свой бег, дала мне очухаться и продолжила вращаться с прежней скоростью.

– Ты по воле Сергея Сергеевича будешь прохлаждаться в областном УВД, а кто за тебя преступления раскрывать будет, не подскажешь?

– Александр Петрович, мои преступления пусть за мной останутся. Я вам процент не уроню, обещаю.

– При чем здесь процент? – разозлился Зыбин. – Ты как замполит прекращай разговаривать! Мы не ради процента работаем, а для людей. Проценты без тебя есть кому считать.

– Александр Петрович, у меня на участке самое тяжкое нераскрытое преступление – это кража детской коляски в общежитии у гражданки Мякиной. Остальное так, мелочовка.

– А что, кражу детской коляски мне за тебя раскрывать? И что это за выражение – «мелочовка»? В нашем деле мелочей не бывает. Сегодня ты не поймал вора, похитившего мокрое белье с веревки во дворе, а завтра этот вор квартиру взломает. Что ты уставился на меня? Иди, работай!

Для раскрытия дерзкого убийства гражданки Лебедевой Е.К. в областном управлении был создан межведомственный штаб в составе представителей уголовного розыска, участковых инспекторов милиции и следователя прокуратуры. Руководил штабом полковник Николаенко.

К моему приходу все инспектора уже получили задание и разъехались отрабатывать связи покойной. Меня следователь послал в морг, забрать акт предварительного исследования трупа потерпевшей.

Вскрытие тела Лебедевой проводил судебно-медицинский эксперт Самуил Поклевский, тридцатидвухлетний кудрявый весельчак, с которым я поддерживал приятельские отношения. О себе Поклевский говорил: «Я – оптимист, меломан и еврей». Я никогда в жизни не встречал евреев, но если судить по Самуилу, то евреи – это смышленые ребята, раскованные в суждениях о женщинах и советской власти.

Поклевского я нашел в пропахшей формалином прозекторской. Он рассказывал своим помощникам, санитарам, похабный анекдот.

– Привет, Самуил! Где моя покойница?

– Твоя – это какая, с двумя огнестрелами? Посмотри в углу на каталке, там должна быть.

– Он про кого спрашивает? – Один из санитаров кивнул в мою сторону. – Про эту, с шестью пальцами? Вот ужас-то где! Как вспомнишь, так вздрогнешь.

Я пропустил его слова мимо ушей. В морге у ребят специфическое отношение к покойникам. Я лично был свидетелем, как санитары с невозмутимыми лицами складывали на столе в единое целое человека, разорванного на куски взрывом баллона с бытовым газом. И эти же самые санитары брезгливо морщились при виде найденного на пустыре младенца с «заячьей губой».

– Чего ты встал посреди зала, Андрей Николаевич? Тебе показать, куда идти? – Закончив веселить санитаров, Поклевский подошел ко мне.

– Самуил, я учился с ней в одном классе. У меня нет ни малейшего желания рассматривать ее мертвой. Пусть в моей памяти она останется такой, какой я ее знал много-много лет назад.

– Как сентиментально, однако! Тебе бы, Андрей Николаевич, не в уголовном розыске работать, а некрологи на заказ писать.

– Самуил, – я не хотел развивать неприятную тему, – скажи, почему ей в детстве не удалили лишний палец?

– Все бы вам, живодерам, резать да удалять! – Доктор подошел к Лебедевой, приподнял над каталкой ее шестипалую руку. – А если у девчонки при операции какой-нибудь важный нерв защемит и она на всю жизнь останется с парализованной рукой, тогда как? Человеческий организм – штука сложная. Никто не знает, как он отреагирует на хирургическое вмешательство.

– Кстати, – доктор вернулся ко мне, – особенности строения ее левой конечности не мешали девушке жить полноценной жизнью. В момент гибели она была на третьем месяце беременности.

«Час от часу не легче! Только-только я выстроил логически выверенную версию, как она вся пошла трещинами сверху донизу».

– Самуил, – тщательно подбирая слова, спросил я, – а по зародышу нельзя установить, кто отец ребенка?

– Зародыши бывают у пшеницы. Человеческий плод называется эмбрион.

– Согласен. У эмбриона можно определить группу крови?

– Поздно, батенька! Мы его утилизировали.

– И в акте вскрытия про него ничего не будет?

– Андрей Николаевич! Она, эта твоя знакомая, не от криминального аборта померла. На кой черт нам эмбрион исследовать, если он не состоит в причинной связи со смертью?

Я хотел возразить, но не успел. К нам подошел санитар.

– Там это, – он кивнул на вход в траурный зал, – ее родня приехала, вещи привезли. Гроб. Мы как работаем, со скидкой или как обычно?

Поклевский вопросительно посмотрел на меня.

– Самуил, – ладонями я отгородился от зала скорби, – я тут не при делах. Я за актом приехал.

– Работаем как обычно, – распорядился доктор. – Омовение – чирик, макияж – пятерка, укладка в гроб – еще пятерка. За реставрацию головы отдельная плата.

Самуил посмотрел на потолок, прикидывая, сколько бы запросить с родственников Лебедевой за приведение ее головы в товарный вид.

– Я им двадцатку выставлю, нормально будет? – предложил санитар.

– В самый раз! Они как, без претензий?

– Что ты! Сами разговор про деньги начали.

– Пошли за актом? – предложил Поклевский.

Я посмотрел в угол, где лежала Лебедева.

«Ну вот и все, Леночка! Прощай. Больше не свидимся».

– Пока, Ленуся! – Я помахал Лебедевой рукой и вышел из прозекторской.

Напрасно я считал себя человеком со стальными нервами. В коридоре я почувствовал, как нечаянные следы подступили к глазам. Воспоминания, и хорошие, и плохие, комом встали в горле: ни вздохнуть, ни сглотнуть. Лучше бы мне не приезжать сюда, не видеть ее посеревшее обнаженное тело, обезображенное синюшными трупными пятнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sorokin_gennadiy/smert-so-shkol-noy-skam-i

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити